

VII.

Первое полногласіе (оро=ра и пр.).

1. При составленіи своей статьи о полногласіи 1865 г.), я немогъ пользоваться весьма важнымъ, уже упомянутымъ выше изслѣдованіемъ Бенфея «Ueber ri, ri und li» (Orient und Occident III, 1—77, 193—256, 1864—1865 г.). Такъ какъ изъ лицъ, писавшихъ послѣ меня о полногласіи, одинъ только г. Ягичъ (Rad. XIV, 203) ссылается на упомянутый трудъ, а гг. Шерцъ и Гейтлеръ, по видимому, не знаютъ его, то нелишнимъ будетъ, неограничиваясь ссылками, болѣе подробно изложить здѣсь нѣкоторыя изъ положеній Бенфея.

По указаніямъ грамматическихъ комментаріевъ къ Ведамъ, *) послѣ *p*, стоящаго передъ согласною и предшествуемаго гласною, хотя не пишется, но слышится весьма короткая гласная. По однимъ, это имѣтъ мѣсто передъ нѣкоторыми согласными (sibil. и *h*), по другимъ — передъ всѣми. По однимъ, эта гласная есть *a*, по другимъ — гласное *ṛ* (послѣ *l* — *ḷ*), или, что тоже, — краткое *u*; по третьимъ — гласная, подобная той, которая предшествуетъ звуку *p*. Изрѣдка встрѣчаются, хотя и не въ текстахъ Ведъ, и написанія соответствующія этимъ правиламъ. Напримѣръ, въ обильной архаизмами Бхагавата Пурана — 3 е лицо ед. аор. *акораши* (вм. *акарши*); въ болѣе позднемъ санскритѣ *вариша* (вм. *варша*, дождь), *кариша* (вм. *карша*, das Schleppen).

Изъ описанія и обозначенія этихъ вставочныхъ гласныхъ Бенфей выводитъ, что собственно онѣ немогли быть выражены ни одною изъ трехъ основныхъ гласныхъ санскрита — *a*, *u*, *y*, но занимали средину между *a* и *u* и были чѣмъ-то въ родѣ *e*, котораго, какъ опра-

*) Санскр. *prâtiṣākhjā* м. *Pratiṣākhâ* nebenzweig, adv. *pratiṣākhā* м. für jeden zweig, jede schule des Veda. Отсюда *pratiṣāka* ja, neutr. bezeichnung einer klasse gramm. hülfsbücher zu bestimmten vedischen texten, B. R.

дѣленной гласной, санскритъ вовсе неразвиль. Эта догадка почти рѣшительно подтверждается языкомъ, лишь диалектически отличнымъ отъ языка Веды, зендомъ, въ коемъ гласная послѣ *p* передъ согласною необозначаемая въ санскритѣ, обозначается посредствомъ *ē* (Benf., §§ 17—20), напримѣръ, *iarēma* (=скр. *īharma*, жаръ), *dadarēṣa* (perf. скр. *dadarṣa*, отъ *dr̥ṣ*—*darṣ*, греч. *ḗr̥x-ομαι*), *ṣarēta* (изъ *ṣarta*, лит. *szaltas*—холодъ), *starēta* (pt. perf. pass. скр. *stṛta*—простертый) и проч.

Не одинъ зендъ, продолжаетъ Бенфей, но и сродные ему языки, болѣе отдаленные отъ нарѣчія Веды, имѣютъ подобныя вставки. При скр. *ard̥ṣ*, ити, то есть собственно (судя по *rd̥ṣu*, зенд. *ēr̥ṣu*, прямой) ити прямо, протягиваться впередъ, простираться, стремиться, стоитъ въ греч. не только *or̥* въ *or̥-υία* [ж. р. отъ *ar̥-υ* = *скр. *ard̥ṣu*, (откуда скр. *rd̥ṣu*) жен. **ard̥ṣ-vī*], пространство между распростертыми руками, сажень, но и со вставными *e*, *i*: *ō-r̥é-γω*, *ēr̥-é-γ-ωμι*, нѣм. *recke*, *or-i-γ-ύομαι*, протягиваюсь, досягаю, достигаю (ib. § 21).

По нѣкоторымъ изъ индійскихъ грамматистовъ, вставная гласная послѣ *p* уподобляется предшествующей гласной. Этимъ объясняется между прочимъ велическая форма причастія прош. вр. страд. *hṛutá* отъ *hvar*, искривлять, изъ предполагаемыхъ посредствующихъ формъ *hṛutá* и затѣмъ *hṛu-y ta*. Такого рода вставки встрѣчаются и въ другихъ языкахъ (ib. § 22). Здѣсь прибавлю изъ Curtius, Grundz. der Griech. Etym., № 153, форму *or-o-γ-υία* = *ēr̥-υία* *). Сюда Бенфей относитъ греч. *χαλ-α-θ-ος*, = *crātes*, скр. кор. *ṣrath*

*) См. такъ же у *Курциуса* (ib., стр. 656 и слѣд.) трактатъ о томъ же. Здѣсь, кромѣ указаній на подобныя явленія въ зендскомъ, оскскомъ, древ.-верх.-нѣмецкомъ (*rig-u* с = гот. *haurgs*, нов.-в.-нѣм. *burg*), собраны случаи и вставки *α*, *ε*, рѣже *ο*, *ι* послѣ *p*, *λ* (рѣже *ν*, *μ*) въ греческомъ, между прочимъ *τορ-ό-νος* = *térnos*, кругъ; *хол-ε-х-άνος*, *хол-ο-х-ανος*, худошавый, и *хол-ο-σός*, большая статуя, отъ кор. *харх*, скр.

(стало быть, по Бенфею, изъ карт) **); оскское *ar-a-getu* при латинск. *arg-entum*, и наконецъ, русское *полногласіе*. Такимъ образомъ выходило бы, что второе *о* въ *голодъ* (кор. *gardh*), по его мнѣнію, образовалось точно также, какъ, по вышеизложенному взгляду, второе *з*, *ъ* во второмъ полногласіи. Что конечнымъ образомъ русское полногласіе восходитъ къ формамъ *gardh* и т. п., въ этомъ, какъ извѣстно, у насъ давно уже несомнѣваются. Для насъ величайшую важность представляетъ вопросъ: должны ли мы принимать непосредственную связь русскаго полногласія съ формами съ согласною *+ar* в. *ал+* согласная, или же выводить полногласіе изъ этой основной формы лишь посредствомъ формъ съ согласною *+ra* в. *ла+* согласная? Но этого вопроса Бенфей не рѣшаетъ, прибавляя, что *молодъ* можетъ основываться и на *младъ*, а *младъ* въ свою очередь на *мрад-у* — формѣ выведенной на основаніи срав. степени отъ скр. *мрду* — *мрадъіаіме* (ib. § 23). Однако изъ слѣдующаго видно, что есть возможность принять сторону перваго Бенфеева мнѣнія противъ второго.

Здѣсь, чтобъ имѣть въ одномъ мѣстѣ всѣ извѣстныя намъ аналогіи, говорящія въ пользу перваго мнѣнія, то-есть, непосредственнаго происхожденія русскаго полногласія изъ согл. *+ar* в. *ал+* согласн. и проч., прерву изложеніе взглядовъ Бенфея и прибавлю еще одну аналогію, на которую ссылается и г. Гейтлеръ.

Въ латышскомъ различаютъ два способа произношенія двогласныхъ (и долгихъ гласныхъ), напоминающіе серб. *á* и *â*, по Караджичу, хотя несомнѣнно тождественные съ ними. Именно: или оба элемента двогласной произносятся равномѣрно (*aa*), такъ что не от-

карѣ, худѣть, *крѣа*, худошавый, тонокій; *дол-и-х-ес*, зенск. *дер-е-глас*, скр. *дарігас*, долгій, кор. *даріг*. Впрочемъ, Курціусъ неотдѣляетъ здѣсь и случаевъ другаго рода вставки *передъ* плавною, какъ *μ-ο-λο-ός*, *plumbum*.

**) Ср. греч. *χαλ-α-μος*, тростина, *χαλ-α-μη*, стебло, съ лат. *calamus* и *culmus*, др.-в.-нѣм. *hal a-m* и слав. *слама*, Curt. Grundz. № 29.

дается тонического перевѣса ни одному изъ нихъ, или же тонъ (котораго неслѣдуетъ смѣшивать съ удареніемъ всего слова) падаетъ на первый элементъ, оставляя второй какъ бы въ тѣни: á_i, á_a (Bielenstein, Let. Spr. §§ 16, 17). Хотя, по видимому, такое различіе (по Биленштейну *der nicht gestossene und der gestossene Ton*) возможно только въ гласныхъ двойныхъ или долгихъ, однако возможно понять, что оно выразимо и въ гласной короткой, если за нею слѣдуетъ длительная согласная (л, р, м, н, будутъ ли они простые или небные), ибо здѣсь звуковую единицу составляетъ не краткая гласная сама по себѣ, а ея сочетаніе съ плавною. Первому равнобѣрному произношенію доегласной соответствуетъ такое произношеніе краткой съ плавною, которое мы, съ своей точки зрѣнія, назвали бы обычнымъ, и которое состоитъ въ непосредственномъ сочетаніи гласной съ плавною. Второму произношенію долгой (á_a) соответствуетъ такая акцентуація краткой гласной, которая отдѣляетъ ее отъ плавной, образуя между ними небольшой, но замѣтный для привычнаго уха перерывъ. Это Биленштейнъ изображаетъ посредствомъ апострофа между гласною и павною: *srpalwa*, *перо* (*der nicht gestossene Ton*) и *ga'lwa*, какъ-бы *ga'lwa*, голова (опускаю примѣры со слѣдующимъ м, н), *ib.* § 27. Въ связи съ этимъ послѣднимъ произношеніемъ находится явленіе, по видимому, сходное съ русскимъ полногласіемъ, состоящее въ томъ, что въ средней Курляндіи, по словамъ Биленштейна, «*краткость* гласной передъ плавнымъ р, л, (въ отличіе отъ другихъ говоровъ, любящихъ удлинненіе первоначальной краткой) сохраняется столь рѣшительно и постоянно (*nachdrücklich*), что *вслѣдствіе* этого по другую сторону плавной появляется неорганическое краткое а, такъ что *da'rbs*, работа, звучитъ почти какъ *dar_abs*, *ka'lps*, холонъ, какъ *kal_aps*, *ga'lwa*, какъ *gal_awa*, *mir'dzét* — мерцать, какъ *mir_adzét*, *Ku'rzeme*, Курляндія, какъ *Kur_azeme*» (*ib.* § 58). Съ этимъ Биленштейнъ, какъ выше Курціусъ, съ подобными явленіями греческаго язы-

ка, сравниваетъ др.-вн. *ar, m, wur, m* = *arm, wurm* (§ 143, 2) и находить, что латышское произношеніе *gal'wa*, какъ *gal_awa* стоитъ по срединѣ между литов. *galwa* и слав. *глава* (§ 2, стр. 5), при чемъ удивительно, какъ онъ не упомянулъ о русскомъ *голова*.

На этомъ мѣстѣ я могу остановиться, чтобъ обратить вниманіе читателя на слѣдующее. На случай, если мы, что вѣроятно, принуждены будемъ объяснять русское полногласіе (возникшее уже внутри обособленнаго слав. языка совершенно независимо отъ языка Ведъ, зенд., греч., латышскаго), согласно съ вышеприведенными аналогіями, замѣтимъ, что эти аналогіи научаютъ насъ слѣдующему:

а) Хотя первоначально вставной гласный звукъ не могъ имѣть на себѣ ударенія, но впоследствии оно можетъ появиться и на немъ (греч. *ὀρόνια*). Это впрочемъ для насъ не составляетъ новости, ибо давно принимается, что въ русскомъ полногласіи какой-нибудь изъ двухъ гласныхъ есть вставной, а между тѣмъ удареніе, вслѣдствіе вліянія суффикса, можетъ падать на тотъ или другой: *холод*, *холодный*. Поучительно для насъ здѣсь только то, что въ русско-сербской акцентуаціи словъ этого рода мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ исключительно славянскимъ, притомъ болѣе позднимъ, чѣмъ появленіе полногласія, ибо въ противномъ случаѣ удареніе избѣгало бы одного изъ слоговъ. Но такъ какъ полногласныя слова особенно отчетливо отражаютъ свойство русско-сербской акцентуаціи (ср. *головá, íлову*, мр. зв. *íолово*, им. мн. *íоловы*, род. *íоловъ*), то въ главномъ, но не во всемъ, по всей вѣроятности, эта акцентуація будетъ далеко отстоять не только отъ санск., но, быть можетъ, и отъ литов.

б) Когда г. Колосовъ (Очеркъ, 29), приводя мои слова: «соотвѣтствіе между разложеніемъ сербск. *ъ* на *ије* и переходомъ *ра* въ *оро* въ русскомъ неполное» (Два изслѣд. 44), замѣчаетъ: «для насъ понятно разложеніе сложнаго по природѣ звука *ъ* на *ије*, но мы не понимаемъ, почему простой звукъ *а* долженъ разложиться на *о+о*, притомъ раздѣленные между собою плавнымъ, и почему это разложеніе имѣетъ мѣсто только при

р, *л*, а не при другихъ согласныхъ»; то слова его не могутъ служить возраженіемъ на мнѣніе, что *оро* и пр. есть разложеніе *ра*, ибо въ этомъ мнѣніи дѣло идетъ о разложеніи не простого *а*, а звуковой единицы *ра*, состоящей изъ двухъ элементовъ. Принимая отношеніе «*оро: ра=ије: ѣ*» можно было бы его подкрѣпить и нѣсколько видоизмѣнить, допустивъ догадку, которая мнѣ дѣйствительно кажется нелишенною основанія, что *ије* ближайшимъ образомъ предполагаетъ не *ѣ*, лишенное всякаго согласнаго элемента, а *јѣ*, въ которомъ *ј* несливаема въ одинъ небный звукъ съ предыдущимъ согласнымъ. Тогда яснѣе будетъ сходство между вторыми членами отношеній: *ра* и *јѣ*. Вопросъ же, «почему разложеніе (*оро* и пр.) имѣетъ мѣсто только при *р*, *л*», другими словами: почему только эти плавные, а не *м*, *н* и не *mutae* входятъ въ особенно тѣсную связь съ гласными, разрѣшался бы просто признаніемъ факта наибольшей длительности *р*, *л*.

Но въ своей статьѣ (Два Исслѣд. 49) я уже видѣлъ необходимость признать, что «*ра* разлагается въ *оро* и пр. не въ силу одной долготы». Руководясь же вышеприведенными аналогіями, можно сказать рѣшительнѣе: при появленіи двухъ слоговъ, какъ *оро*, изъ одного (будь это *ар* или *ра* и т. п.) количество основной гласной вовсе ни при чемъ, ибо, если не подлежитъ сомнѣнію, что и короткое, и долгое *ар* и т. п. можетъ превратиться въ два слога, то причиною такого же превращенія *ар* не можетъ быть ни его долготы, ни его краткость. Ср. II. Лавровскаго «О Русскомъ полногласіи» 12, гдѣ мнѣніе, что русское полногласіе не можетъ быть слѣдствіемъ долготы, основано на томъ, что ему могутъ соотвѣтствовать краткіе *ра*, *ла* въ серб. и чешскомъ, и на оборотъ—на случаяхъ долготы гласныхъ въ серб. и чешскомъ тамъ, гдѣ въ русскомъ нѣтъ полногласія.

в) Прежде, сравнивая слова *толжу* и *тлѣжъ*, *толока* (=тлака= тѣока), я думалъ, что въ послѣднихъ двухъ мы имѣемъ доказательство всеобщаго стремленія языка устранять стеченіе плавныхъ со слѣдующими со-

гласными, и что поэтому стеченіе *лк* въ *толку* есть непремѣнно явленіе болѣе позднее, чѣмъ *толока* = *тлака*. Однако теперь можно видѣть слѣдующее: въ языкѣ могутъ существовать явленія, дающія поводъ видѣть въ немъ стремленіе устранять сочетанія *liquida + muta*, но это огнюдь не обязываетъ заключать, что такое стремленіе въ данный періодъ всеобще, ни даже, что оно стремится подчинить себѣ всѣ случаи, кажущіеся намъ сходными въ такомъ-то, хотя бы самомъ небольшомъ этнографическомъ отдѣлѣ языка. Такое сходство можетъ быть именно только мнимымъ, на самомъ же дѣлѣ отдѣленіе плавнаго отъ слѣдующаго согласнаго можетъ предполагать особенныя условія, въ родѣ особеннаго тона предыдущей гласной, какъ въ латышскомъ, — условія, при отсутствіи коихъ стеченіе гласныхъ остается. Въ частности, относительно славянскаго языка: если допустить, согласно съ сказаннымъ выше, что помѣщеніе глухихъ передъ *р*, *л* въ такихъ случаяхъ, какъ *взлкз*, *тзргз*, древнѣе ихъ постпозиціи (*взлгз*, *трггз*), то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать, что въ то время, когда первая изъ этихъ формъ были общими, славянскій языкъ не могъ во всѣхъ случаяхъ руководиться стремленіемъ избѣгать стеченія плавной съ нѣмою. На долю этого послѣдняго стремленія остаются случаи русскаго 1-го полногласія и соотвѣтственные имъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*оро*, *оло* = *ро*, *ло* = *ра*, *ла*; *ере*, *еле* = *ръ*, *лѣ*). Если, какъ мы думаемъ еще до сихъ поръ, славянскія нарѣчія пошли отъ одного языка, то должна была существовать общая славян. форма этихъ *оро* = *ра* и пр., притомъ, судя по вышеприведеннымъ аналогіямъ, форма полногласная. Съ другой стороны, рядомъ съ нею существовала въ тѣхъ же корняхъ, или и въ другихъ, но такого же строенія, и форма неполногласная, въ которой съ большою вѣроятностью можемъ уже предположить общеслав. *з*, *ѣ*. Какъ полногласныя, такъ и неполногласныя формы съ *з*, *ѣ* передъ *р*, *л* предполагають основное *ар*, *ал* + *muta*. На этихъ основаніяхъ мы можемъ построить такую приблизительную

схему измѣненій *ар*, *ал*+*muta* въ славянскомъ языкѣ:

Если гласный звукъ этого комплекса, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, становился глухимъ, то онъ и оставался единственнымъ, а все сочетаніе—неполногласнымъ, такъ какъ полногласіе *арз* (търъгъ и т. д.) позднѣйшее; если же основное *а* удерживалось въ видѣ чистой гласной, то вмѣстѣ съ этимъ по другую сторону *р*, *л* появлялась другая неорганическая гласная. Еще въ старо-славянскомъ мы видимъ тотъ порядокъ, при которомъ чистая гласная корня передъ *р*, *л* возможна только тогда, когда за этими плавными слѣдуетъ гласная; между тѣмъ *ил*+*р* v. *л*+*согл.*, за немногими исключеніями, даетъ сочетаніе или *рг*+*согл.*, *лз*+*согл.* (изъ *зр*+*согл.* и проч.), или *ра*, *ла*, *рп* *лп* (изъ полногласія). Напримѣръ, возможна такая форма, какъ серб. *пр-пор* (=пърпорз), но формы: *порпорз* v. *парпорз* v. *перперз* невозможны и замѣняются такими формами, какъ русское *поропорз*=ст.-слав. *пранорз*, *перпенелз*=ст.-слав. *прпнелз*. Ст.-слав. форма *желевъ* была бы невозможна; но была бы возможна (не существующая) *жельвъ*=жльвъ; въ дѣйствительности—*желъвъ*.

Возвращаясь затѣмъ къ Бенфею, посмотримъ, какъ, согласно съ его мнѣніемъ, объяснялась бы форма *младз* и предполагаемая основная *мраду*?

Разсматривая отношеніе корня *арг* (*ардж*), предполагаемаго въ значеніи быть бѣлымъ, и словъ: скр. *арджуна*, серебрянный (собств. бѣлый, свѣтлый), *argenti*, *арг-орос* къ скр. *радж-ата*, серебро, Бенфей находитъ, что посредствующею формою между *ардж* и *радж* должна была служить *арадж*, образованная подобно *arag* въ оскск. *aragetu*; что *раджата* возникло ближайшимъ образомъ изъ *араджата* посредствомъ потери начальнаго *а*, встрѣчаемой во многихъ другихъ случаяхъ.

«Это объясняетъ намъ прежде всего появленіе *ра* вм. *ар* въ санскритѣ, необходимое при извѣстныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ глаголахъ *сардж*, *дарс* и произвольное въ *тарп* (IV), *дарп* (IV), *сарп*, *марс*,

спарс, *карш*. Это появленіе основано на формахъ со вставнымъ *а*: *сарадж*, *дараѣ*, *тарап* и проч., въ ко- ихъ исчезаетъ то первоначальное, то вставное *а*, такъ что, напримѣръ, изъ *тарап-сјати* можетъ образоваться по произволу то *тарп-сјати*, то *трансјати*».

•Такимъ же точно образомъ объясняются и всѣ случаи, гдѣ въ индо-германскихъ языкахъ при *ар* или его замѣнахъ появляется *ра* или его замѣны, напри- мѣръ, въ скр. *грабһ* при *гарбһ* въ *гарбһа*, при чемъ ср. посредствующую форму со вставнымъ *а*, именно со- отвѣтственную Zendскую гёрёва; точно такъ скр. *парч* при греч. *плѣхω*; греч. *φλέγω* при латинск. *fulgeo*, при чемъ скр. *бһарі* въ *бһарі-ас* вполне подходитъ къ лат. *fulg*, а скр. *бһрâдж*—отчасти къ *флеу*; наконецъ, греч. *трё-ω* вмѣсто *трёσ-ω* (какъ видно изъ скр. *трас* и эпич. аориста *ἐτρεσσα*), при первоначально причинномъ лат. *terreo* вм. *terseo*... Сюда относится и *тарâсантй* въ Ригведѣ, X, 95, 8. Если во время сложенія этого стихотворенія вышеупомянутый глаголъ звучалъ не толь- ко *трас*, но и *тарс* (какъ въ латинск. *terg* вм. *ters*), то согласно съ найденнымъ общимъ закономъ, *а* между *р* и *с* въ *тарас* вставное. Если же форма *трас* тогда была единственная, то вмѣстѣ съ Бетлингомъ и Ротомъ нужно будетъ принять и очень рѣдкій случай раздѣле- нія *тр* (въ *трас*) на *тар*. Однако понятно, что и это объясненіе неможетъ ослабить выводовъ, сдѣланныхъ нами до сихъ поръ. Напротивъ, вообще мы будемъ объяснять смѣну *ар* и *ра* передъ согласными, напри- мѣръ, въ скр. *мард* и *мрад* и во множествѣ другихъ случаевъ въ древнѣйшихъ формахъ индо-европейскихъ языковъ изъ произношенія *ара* и тѣмъ самымъ *устра- нимъ метатезисъ р и л* по крайней мѣрѣ въ древнемъ періодѣ этихъ языковъ».

Бенфей замѣчаетъ далѣе, что измѣненія *ар* въ *ра* и *рâ* (черезъ *ара*) въ санскритѣ нельзя приписать ни стеченію слѣдующихъ согласныхъ, которымъ могли бы быть объяснены лишь нѣкоторые случаи (напримѣръ, *драштум*, *дракијами* вмѣсто *дарштум*, *даркијами*),

но не формы сравнительной и превосходной степеней, каковы *красйјамс* отъ кор. *карс*, *трапијамс* отъ *тапи*, ни удареніемъ, падающимъ на слѣдующій слогъ. Вообще этому явленію въ санскритѣ онъ не находитъ никакого удовлетворительнаго объясненія, въ отличіе отъ вышеупомянутаго образованія *р*, объясняемаго тоническими условіями. (Benfey §§ 24—26).

Примѣняя это къ занимающему насъ вопросу, мы видимъ слѣдующее:

Относительно формы *младз*, на основаніи одного вышесказаннаго, возможны два предположенія: а) она непосредственно примыкаетъ къ санскр. *мрад*, и тогда возникновеніе ея изъ полногласнаго *ма́рад* должно быть отнесено ко времени гораздо болѣе раннему, чѣмъ выдѣленіе славянскаго языка. При этомъ *молодз* было бы по порядку вторымъ полногласіемъ и могло бы возникнуть только изъ *младз*, такъ какъ въ противномъ случаѣ нужно бы допустить, что единства славянскаго языка никогда не было, а прямо изъ основнаго языка выдѣлились двѣ вѣтви: одна русская съ *оро*, *оло* и пр., другая, которая уже выдѣлилась изъ единства съ основнымъ языкомъ потерю перваго *а* переходной формы *аръ*. Невѣроятность такого предположенія очевидна. Достаточно указать на общепризнанное положеніе, что славянскому *вранз* и т. п. въ ближайшемъ языкѣ—литовскомъ, соответствуетъ *варнас*. Такихъ славянскихъ формъ каковы *младз*, которымъ уже въ санскритѣ есть вполне соответствующія (*мрад*), мы не можемъ при объясненіи отдѣлять отъ такихъ, гдѣ слав. *согл. + ра + согл.* и пр. = скр., лит. *согл. + ар + согл.* Слѣдовательно, первое совпаденіе съ санскритомъ случайно.

б) Остается, стало быть, только принять, что слав. *младз* образовалось уже на славянской почвѣ и имѣетъ съ санскритскимъ *мрад* только отдаленную, посредственную связь, состоящую въ томъ, что обѣ формы сами по себѣ произошли схожимъ образомъ, послѣдняя изъ *ма_ард*, а первая—какъ? Здѣсь опять возможно два предположенія: во-первыхъ, *младз* изъ *молодз*, а это

изъ мѣлѣдъ, при чемъ русская форма оказалась бы древнею общеславянскою, и во вторыхъ, *младъ* и *молодъ* независимо другъ отъ друга — изъ мѣлѣдъ, при чемъ только эта послѣдняя форма была бы общеславянскою, и то только въ такомъ случаѣ, если бы полабское *wa-*на и т. п. оказалось позднѣйшимъ.

Кажется, что изложенный здѣсь взглядъ Бенфея въ настоящее время можетъ служить наиболѣе надежною путеводною нитью въ изслѣдованіяхъ о русскомъ полногласіи и о томъ, что соотвѣтствуетъ ему въ другихъ славянскихъ языкахъ. Не забудемъ здѣсь также и Биленштейна. Не первый разъ приходится видѣть, что свѣтъ на явленія даннаго языка, особенно на такія, которыхъ развитіе предшествуетъ началу письменности, падаетъ со стороны, совсѣмъ изъ другой области языкознанія. Но упомянутые ученые могли лишь стороною коснуться нашего предмета, о многихъ частностяхъ котораго они, быть можетъ, и не знали. Изслѣдователямъ, болѣе знакомымъ со славянск. языками, остается здѣсь еще много дѣла. Нельзя пренебрегать и тѣмъ, что донинѣ сдѣлано, ибо, благодаря всегдашней непослѣдовательности человѣческой мысли, даже ошибочность общаго рѣшенія вопроса неустраняетъ совершенно вѣрныхъ взглядовъ на входящія въ него частности.

2. Г. Шерцль (Сравн. грамматика слав. и друг. родств. языковъ I, Харьковъ, 1871, §§ 104 — 105) рассматриваетъ русское полногласіе, какъ частный случай общаго явленія, которое онъ называетъ «вставкою соединительной или вспомогательной гласной», то есть обобщая, смѣшиваетъ то, что обыкновенно и не безъ основанія разъединяють. У него подъ рядъ: такіе случаи, какъ русск. *ов-е-ца* (при овца); такъ называемая соединительная гласная передъ окончаніемъ неопредѣл. накл. *ти* (дѣлать, творить и т. п.? почему только передъ этимъ окончаніемъ, а не и передъ другими?), хотя эта гласная «по особенному своему характеру относится къ системѣ спряженія, а не принадлежитъ къ явленіямъ исклю-

чительно фонетическимъ»; такіе случаи, какъ ст.-слав. ангелъ, коръ-кодилъ и, наконецъ, русск. *оро* = *ра* и пр.

Относительно этого послѣдняго думалось бы такъ: положимъ, мы задались вопросомъ, которая изъ двухъ гласныхъ, составляющихъ русское полногласіе, вставляя, и рѣшили, что первая; тогда въ поясненіе нашего мнѣнія мы приводили бы только такіе случаи изъ другихъ языковъ, въ которыхъ изъ двухъ гласныхъ при *р*, *л* вставляла то же первая. Хочетъ ли такъ поступать и г. Шерцль?

«Русскій языкъ, по видимому, произношеніе спертой согласной, соединенной со слѣдующею за нею плавною *р* или *л*, находитъ нѣсколько затруднительнымъ *), и потому онъ старался пособить этому недостатку обыкновенно въ такихъ случаяхъ вставкою вспомогательной гласной» (стр. 339 **). Стало быть, напримѣръ, въ *колосъ* вставленный звукъ есть первое *о*, что высказано на стр. 349, а на предыдущей еще опредѣлительнѣе сказано, что «*ль*, *рь* переходятъ въ *еле*, *ере*, *ль* даже въ *оло*».

На одномъ публичномъ диспутѣ намъ пришлось и слышать изъ устъ г. Шерцля, что онъ считаетъ *оро* и проч. разложеніемъ *ра* и пр.

«Самое лучшее объясненіе этой вставки доставляетъ языкъ древне-бактрійскій; сравненіе съ древне-бактрійскими вставками потому особенно важно, что обнаруживаетъ упомянутое явленіе въ полномъ его значеніи, тогда какъ русское полногласіе избочиваетъ только одну его сторону. Вставка *е* въ древне-бактрійскомъ языкѣ имѣетъ двоякое отношеніе (?), смотря по тому, происходитъ ли она въ срединѣ слова, или въ началѣ; въ первомъ случаѣ вставка гласной *е* происходитъ не только при *р*, но и при другихъ согласныхъ, во второмъ же случаѣ къ *р* присоединяется не только *е*, но и другія гласныя, именно *і*, *и*» (338). Слѣдуютъ примѣры,

*) А *слава*, *трава*, *право*, *братъ*, *градъ*, *дробъ*, *гробъ*, *глубъ*, *грибъ*, и множество другихъ словъ?

**) Значитъ ли это, что такихъ явленій, какъ полногласіе, въ русскомъ языкѣ много, или только—что они обыкновенны въ другихъ языкахъ?

между прочимъ, *dādareṣa* и *dademahi*, изъ которыхъ, по Шерцлю, явствуешь только то, что «вставка вспомогательной гласной неограничивается однимъ звукомъ *р*» (стр. 339), то-есть, что *е* появляется не при одномъ *р*, между тѣмъ какъ для насъ явствуешь, что въ этихъ примѣрахъ вставка появляется *послѣ* согласной, а не *передъ* нею, какъ по мнѣнію г. Шерцля въ русскомъ, и что, стало быть, эти примѣры съ точки зрѣнія г. Шерцля, ни чуть недолжны объяснять русскаго полногласія.

«Если *г* стоитъ въ началѣ, то оно можетъ принимать *передъ* собою, кромѣ *е*, еще гласныя *і* или *и* (а въ такихъ случаяхъ тоже соотвѣтствуетъ санскритскому *а*): *arētha*, польза, = *artha*...; *iriṣ*, ранить, скр. *giṣ*, *uruth*, плакать = скр. *rudh*...» (стр. 339).

Часть этого мы совсѣмъ отказываемся понимать: если въ *arētha* первое *а* равно санскритскому *а*, то какимъ же образомъ вставка *е* можетъ быть помѣщена въ этомъ словѣ *передъ р*? Это, однако, не описка, ибо другіе примѣры показываютъ намѣреніе говорить о вставкѣ *передъ р*. Отношеніе другихъ примѣровъ къ полногласію (*iriṣ*, *uruth*), при которыхъ можно бы сослаться и на Шлейхера, *Compendium*, § 28, гдѣ это явленіе связано съ другимъ др.-бактрійскимъ (§ 26), не показано, а заслуживало бы объясненія, потому что за характерную черту русскаго полногласія считалось то, что въ немъ *оро* и *пр*. стоятъ *послѣ* согласной, а не въ началѣ слова, такъ какъ *е* въ *еѣ* сюда неотносилось.

«Чаще всего (въ др.-бактр.) *передъ г* ставится *е*: *ēṣu*, прямой = скр. *īṣu* (рѣжу) и проч.» (стр. 339). Если г. Шерцль думаетъ, что приставной звукъ есть здѣсь первое *е*, то нужно было показать, почему онъ такъ думаетъ, такъ какъ уже на основаніи Боппа, *V. Gr.* I, § 1, стр. 2 и § 44, стр. 74 (не говоря уже о вышеизложенномъ взглядѣ Бенфея) можно было бы заключить, что здѣсь дѣйствуетъ тотъ же законъ, что въ *dādareṣa*, то-есть, что *еѣ* происходитъ изъ основнаго *ар*, при чемъ *второе е* вставное. Изъ этого опять-таки слѣдовало бы, что при томъ взглядѣ, который

г. Шерцъ имѣетъ на рус. полногласіе, онъ не долженъ бы сравнивать этого явленія съ такимъ, какъ зенд. ёрёзу. «Ъ въ древне-бактрійскомъ еге звукъ е послѣ согласной г, должно быть, произносился слабо, равно какъ и въ древне-болгарскомъ языкѣ пазвукъ ъ послѣ р; это явствуетъ уже изъ сравненія др.-бактрійскихъ словъ dagēṣ, ragēṣ (древне-персиск. ragṣ)»... и пр. (стр. 340—341). Приводимые за симъ пять примѣровъ, начинаемая съ dagēṣ, всѣ имѣютъ арé, а не объявленное двумя строками выше еге, которое встрѣчаемъ только въ шестомъ и седьмомъ примѣрахъ. Неточность неособенно важная, но характеристичная.

«То е, которое въ упомянутыхъ примѣрахъ (NB съ аге) слѣдуетъ за соглас г, совершенно соответствующее др.-болг. ъ, напримѣръ, регёпа=плзиз; опущеніемъ перваго е и измѣненіемъ г въ л является лат. plenu...; др.-бактрійск. mereta=мрѣтѣз..... Къ слабому е, слѣдующему послѣ г, присоединилось еще другое, передъ г, отличаясь такимъ же характеромъ, какъ первое, и представляя подобнымъ образомъ гласную глухую *). Одна полная гласная развѣтвилась здѣсь собственно (?) на двое, при чемъ отдѣльныя ея части утратили ту выразительность, которая была свойственна полной гласной. Древне-болгарскій языкъ удержалъ одну только глухую гласную, дополняя возникающій вслѣдствіе этого недостатокъ особеннымъ напираниемъ на л, р, не придавая имъ, однако, значенія настоящихъ гласныхъ. Протиположность этому является въ языкѣ чешскомъ — съ одной и русскомъ — съ другой стороны. Въ чешскомъ языкѣ откинутые пазвуки ъ и ѣ поставили однимъ разомъ л и р въ рядъ гласныхъ; русскій языкъ, наоборотъ, не только возобновилъ настоящій характеръ ослабленнаго ъ, измѣняя его послѣ р, л въ о (=а), но при-

*) Затѣмъ же авторъ ставитъ знакъ краткости только надъ вторымъ е въ регёпа, а не надъ обоими, какъ и принято съ основаніемъ? Хочетъ ли онъ этимъ выразить его первенство или его тождество съ ѡ?

совокупилъ еще, подобно древне-бактрійскому передъ *л* и *р* новую гласную, хотя, конечно (почему «конечно?»), новый звукъ уже съ самаго начала представлялъ настоящую гласную *); въ началѣ прибавочный звукъ естественно соответствовалъ древне болгарскому *з*, а только въ дальнѣйшемъ развитіи языка онъ могъ установиться въ характерѣ полной гласной. Остальное его развитіе, усиленіе или ослабленіе зависѣло только отъ ударенія, продолжающаго гласную ударяемую и сокращающаго неударяемую. Древне бактрійскій и русскій языки здѣсь совпадаютъ» (стр. 341—342).

Кромѣ видѣннаго нами уже выше ошибочнаго взгляда на происхожденіе зендск. ёрё, замѣтимъ здѣсь слѣдующее Произвольно предположеніе, что въ этомъ ёрё е произносилось глухо; объ этомъ см. Ворр., Vergl. Gr. 2, I, стр. 55: кратчайшая гласная ё, какъ ее называетъ Боппъ, неестъ непременно глухая. Выдуманное какое-то «напиранье» на *р*, *л* въ старо-славянскомъ. Главное же въ томъ, что по г. Шерцлю выходитъ, будто русскому *голова* должно соответствовать ст.-славян. *гловѣ* и чешск. *hlva*. Онъ, конечно, знаетъ, что это не такъ, но это ему непришло въ голову, когда онъ писалъ. Русск. *голова*, согласно съ его словами, произошло изъ *гловѣ*, откуда—*гловѣ* или *голѣва* (хорошо неразберу, такъ или иначе). Если же отсюда вышло *голова*, то это наперекоръ закону г. Шерцля, по которому отсутствіе ударенія должно бы удерживать оба *о* на степеняхъ «пазвукъ».

«Такъ какъ русскій языкъ между др.-болгарск. *ль* и *е* уже весьма часто предполагаетъ различія (пѣсокъ—пѣсокъ и др.), то тамъ, гдѣ въ др. болгарскихъ формахъ является *рль*, *ль*, замѣтно вліяніе русскаго полногласія (на что?): *ль* и *рль* переходятъ въ *еле*, *ере* (—*ль* даже въ *олю*)», (стр. 343).

*) Стало быть, *з* не настоящая гласная, а «пазвукъ». Пусть будетъ и это слово, но только и *пазвукъ* гласнаго звука все-таки настоящій гласный звукъ.

Откуда взялось *рѣ*, *лѣ*, объ этомъ неговорится. Что касается остального, то, во первыхъ, ошибочно будто бы смѣшеніе *ѣ* и *е* древнѣе полногласія; во вторыхъ, такое смѣшеніе свойственно части русскихъ нарѣчій, а полногласіе—всѣмъ; третьихъ, заключеніе, что вслѣдствіе безразличія *ѣ* и *е* изъ *чрѣзъ* должно выйти не *чрезъ* или въ этомъ родѣ, а полногласное *черезъ*, непостижимо.

Впрочемъ, по моему мнѣнію, г. Шерцль сдѣлалъ одно замѣчаніе о полногласіи (стр. 344 въ концѣ и 345 нач.), достойное вниманія, но подтвердилъ его плохими примѣрами. Именно, справедливо, что положеніе: «русскимъ *оро*, *оло* соответствуетъ въ сродныхъ (не славянскихъ) языкахъ *аг*, *ал*, а русскимъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* и проч. въ сродныхъ—*га*, *ла* и пр.», въ своей всеобщности ошибочно. Извѣстны примѣры, какъ *дрѣмати*—*dormire* и пр. Но положеніе это можетъ быть не устранено, а лишь измѣнено такимъ образомъ: «Русское полногласіе *предполагаетъ* въ началѣ славянскаго языка или въ періодѣ, ближайшемъ къ возникновенію этого языка, основныя формы съ гласною передъ *р*, *л*, а русское (общеслав.) *ра*, *ла* (*ро*, *ло*), *рѣ*, *лѣ* предполагаетъ формы съ гласною послѣ *р*, *л*. Другіе языки шли своими путями, а потому могли остаться, напримѣръ, при *аг*, *ог* и пр. и тамъ, гдѣ возникли въ славянск. языкѣ *ра*, *рѣ* и пр., неизмѣнившіяся и въ русскомъ.

Предположеніе о томъ, что въ русскомъ полногласіи первое *о*, *е* есть вставное, слѣдовало бы защищать именно тѣми средствами, которыя г. Шерцль отвергаетъ. Онъ думаетъ, что «мнѣніе Добровскаго, по которому въ полногласіи русскаго языка оказывается вліяніе финской отрасли (чего?), нетерпящей въ началѣ словъ двухъ согласныхъ, опровергается простымъ указаніемъ на древ.-бактрійскій языкъ, въ которомъ трудно бы найти финскіе элементы, а еще труднѣе доказать» (стр. 342). Но можно было бы разсуждать и совершенно иначе. Если бы какія-либо соображенія сдѣлали для насъ аргюментъ вѣроятнымъ, что обще-

славянская форма русских полногласных словъ есть форма съ *ра, ла, рѣ, лѣ* послѣ согласной, то нисколько ненуждаясь въ предположеніи финскаго вліянія, мы нашли бы въ мадыарскомъ языкѣ готовую аналогію для русскаго полногласія. Согласно съ этимъ, общерусское *черенъ* можно было бы выводить изъ *чрѣнъ* вовсе не потому, почему въ угорско-русскомъ встрѣчаются, напримеръ, формы *бороцквѣ* (изъ бросква), *жилинъ* (изъ *жльбъ*) (Mikl. Fremdwörterb.), то-есть, не въ силу мадыарскаго вліянія, а лишь подобно тому, какъ изъ славянскихъ *дробъ, ыркъ, сръмъ, жльбъ, класъ* вышли мадыарскія *darab (frustum), görgö, szerem, zseleb, kalasz* (Mikl. ib.). Конечно, и это сходство оказалось бы лишь отдаленнымъ. Нужно было бы изыскивать причину, по которой во многихъ русскихъ словахъ, каковы: *братъ, прудъ* и *р.*, начальныя сочетанія *muta+liquida*, остались нетронутыми.

3. Г. Ягичъ (Rad. Jugosl. Akad. XIV, 20—9) раздѣляетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, тотъ взглядъ на русское полногласіе, которому я слѣдовалъ въ своей статьѣ объ этомъ предметѣ. Хотя теперь мнѣ кажется, что мы оба ошибались, но изъ нашего согласія я дѣлаю тотъ ободрительный для себя выводъ, что мои ошибки не были лишены основаній, которыя можно назвать относительно-объективными. Онъ сопоставляетъ два ряда формъ: съ одной стороны, лат. *wilna, (alnē), aknū*, съ другой—ст. сл. *вльна, (лань), камы, квасъ* (изъ предполагаемаго *квасъ*) и заключаетъ, что такъ какъ стремленіе къ метатезѣ есть явленіе доисторическое, общеславянское, свойственное и Русскому языку, то и въ такомъ случаѣ, какъ лит. *galwa*, получается ст.-сл. *глава*. Эта послѣдняя форма должна предполагаться русскою *юлова*, въ которой второй гласный звукъ (послѣ *л, р*) имѣетъ этимологическое значеніе.

То, что я имѣю возразить противъ мнѣнія, что постпозиція глухихъ въ *вльна* есть явленіе доисторическое и общеславянское, было уже высказано мною.

Въ такихъ случаяхъ, какъ *расти*—*растж*, при корнѣ *ardh*, Русскій языкъ дѣйствительно сходенъ со всѣми славянскими относительно мѣста основной гласной; но условія появленія здѣсь *ра* изъ *ар* другія, чѣмъ въ *градъ*—*gardas* и пр., имени: въ послѣднемъ случаѣ основное *ар* слѣдуетъ за согласною, тогда какъ въ первомъ оно начинается слово. Отсюда можно вывести, что существованіе въ Русскомъ формѣ *росту* не принуждаетъ приимать въ немъ первенство формы *градъ* передъ *городъ*, а, напротивъ, можетъ быть соглашено съ первенствомъ полногласія, хотя не непременно въ его русской формѣ. Допустивъ такое первенство въ обоихъ случаяхъ, можно понять, что въ словахъ корня *ard*, а съ полногласіемъ *арад* или въ этомъ родѣ, первая гласная могла исчезнуть, между тѣмъ какъ въ *городъ* она сохранилась, благодаря начальной согласной.

Я весьма сожалею, что неясностью своего изложенія далъ поводъ г. Ягичу замѣтить, что онъ не умѣетъ найти надлежащаго смысла въ томъ, что я говорю по поводу полногласія (Два Исслѣд., 38—45) объ отношеніи сербскихъ удареній къ русскимъ, и заявить, что онъ по крайней мѣрѣ не могъ бы отсюда объяснить русскаго полногласія. Между тѣмъ я и теперь думаю, что этотъ вопросъ не можетъ быть обойденъ при изслѣдованіи нашего полногласія, такъ какъ изъ русскихъ словъ только въ полногласныхъ могутъ быть найдены измѣненія, вполне соотвѣтственные всѣмъ измѣненіямъ сербской акцентуаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не поразителенъ ли не мною первымъ замѣченный фактъ соотвѣтствія между штокавскимъ *млава* (чакавское *глава*), шток. ж. *млада* (чакавск. *младѣ*) и русск. *головѣ*, *молодѣ*, между *главу* (= *главу*), *млад* (*млад*) и *голову*, *молодъ*, тогда какъ сербск. *мрѣз*=*морозъ*? И не принуждены ли мы признавать, что такое сходство неможетъ возникнуть въ языкахъ независимо, отъ сходныхъ причинъ, но должно имѣть основаніе въ доисторическомъ ихъ единствѣ? Прежде изъ соотвѣтствія: чак. *раа* (долгая гласная съ удареніемъ на первомъ элемен-

тъ)=в. *oro*, чак. *раа* (долгая гласная безъ ударенія)= русск. *оро* (безъ ударенія), чак. *рѣ* (краткая гласная)= русск. *орѣ* и проч., я выводилъ, что такъ какъ во время русско-сербскаго единства эти слоги были равны въ количественномъ и тоническомъ отношеніяхъ, то они были равны и въ качественномъ. Этого я держусь и теперь; но тогда, подъ влияніемъ предрасположенія къ большей древности *ра* сравнительно съ *оро*, я не видѣлъ, что тоническое и количественное сходство русск. *оро* и пр. съ сербск. *ра* само по себѣ оставляетъ возможность заключать на-трое: или *оро* древнѣе *ра*, или на оборотъ, или то и другое уже въ Славянскомъ языкѣ имѣло древнюю общую форму, изъ которой независимо развились обѣ первыя. Въ этомъ смыслѣ, конечно, рассматриваемое сходство не объясняетъ русскаго полногласія; но это сходство все-таки прибавляетъ кое-что къ нашимъ свѣдѣніямъ о полногласіи. Допустивъ третье предположеніе, что *оро* и *ра* возникли изъ общаго, напримѣръ, *ара*, мы могли бы объяснить рассматриваемое сходство такимъ образомъ: серб. *рѣ*=рус. *оро* предполагаетъ *ѣара*, шток. *рѣ*=чак. *ра*=рус. *оро* (безъ ударенія) предполагаетъ *аара* (съ первымъ *а* долгимъ, какъ и въ первомъ случаѣ, но безъ ударенія); сербск. *рѣ*=русск. *орѣ* предполагаетъ *ѣра* (первое *а* короткое ударяемое). Это значило бы, что хотя второе *а* первоначально имѣетъ лишь характеръ фонетической вставки и, стало быть, кратко, но оставшись одно (въ *ра* и проч.), оно приняло на себя всѣ функціи перваго, потерявшаго звука. Такой процессъ никакъ не можетъ быть названъ стяженіемъ, ибо стяженіе и двухъ краткихъ *а* (*ѣра* въ *ра*) должно было бы дать въ результатъ не *рѣ*, а долгое *рѣ*, чего мы не видимъ.

Относительно происхожденія полногласія и соответственныхъ формъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ г. Ягичъ считаетъ возможнымъ сдѣлать два предположенія: 1) или изъ *gardas* произошло *градъ*, отсюда въ одну сторону польск. *gródz*, въ другую—*gródz* и *goródz*. Это предположеніе состоитъ въ пониманіи метатезы

строгомъ смыслѣ: это настоящая перестановка *ар* въ *ра* безъ всякихъ посредствующихъ ступеней, при чемъ форма съ *ра*—общеславянская; 2) или лѣствица была тако-
ва: *gargas*, откуда *grads*, то-есть, форма, въ которой послѣ метатезы между согласною беззвучною и плавною остался нѣкоторый малый звукъ, въ родѣ *з*. Отъ *grads*—
въ одну сторону *grads* форма, свойственная большин-
ству нарѣчій, въ коей звукъ въ родѣ *з* вовсе исчезъ, а
въ другую—*zgrads*. Отсюда опять въ одну сторону съ
потерю *з*—*grads*, въ другую съ восстановленіемъ чиста-
го характера перваго звука—*gorods*. Здѣсь *г*. Ягичъ
приближается къ взгляду Бенфея, при чемъ о метатезѣ
можетъ быть рѣчь лишь какъ о результатѣ, а не какъ
о процессѣ. За основную, общеславянскую форму при-
нимается не одна изъ наличныхъ, а такая, которой нѣтъ
ни въ одномъ нарѣчій: *zgrads*. Здѣсь же замѣчу, что
формы какъ *zgrads*, принимаемая *г*. Ягичемъ въ обоихъ
предположеніяхъ, я считаю построенными совершенно
теоретически, чѣмъ нехочу однако предрѣшать ихъ не-
нужности или ошибочности. Въ русскихъ памятникахъ
дѣйствительно встрѣчаются такіа формы: *взлосъ* (Вклад-
ная Хутынскаго монастыря 1192, *Срезневскій*, Пам.
руск. письм. 183); сюда же, быть можетъ, относится
и *злото* на крестѣ княгини Евфросиніи, 1161 года,
(ib. 178) вмѣсто *злото*; но это, мнѣ кажется, не дѣй-
ствительное явленіе языка, а лишь ошибочное написа-
ніе. Такъ можно бы объяснять и «Ярославле *сзребро*»,
и формы Остромирова Евангелія: *сзребро*, *сзребра*, *сзре-
бромлюбии*, *сзребриникъ*; но въ формахъ *сгре*,—*сгре*—
глухой звукъ встрѣчается и въ древнихъ юсовыхъ па-
мятникахъ нерусскаго письма, какъ Супр. рук., и не
есть описка. (ср. Mikl. Lex. *сребро*. Однако тотъ, кто
бы думалъ какъ и о форм. *взлосъ*, долженъ былъ бы
вѣдаться и съ формами, которыя, небудучи приня-
ты за описки, ведутъ къ противоположному заклю-
ченію. Именно въ Грамотѣ 1228—1229 гг. (С. Г.
Гр. II, № 1, *Срезневскій*, Мысли, объ Ист. Рус. яз., 194.
Буслаевъ, Хр., 349): *спръмьмь* (и *въпрёмьмь*), и—

своего *горда* (при «городоу»), *берыо*, *берыомъ* (и *бл-рыга*), за *голзу*, *холнъ*, много разъ *серебра* (при *се-ребра*), но рядомъ и *хилоу*, *сзрмъ*. И действительно, г. Колосовъ, приводя такія формы, какъ *голзу*, спрашиваетъ: «Второй гласный звукъ точно не окрѣпъ еще, не сдѣлся еще чистымъ (слѣдовательно, представляет-ся сравнительно позднѣйшимъ)?» (Очеркъ, 90). Онъ не рѣшается вѣрить этому, и не безъ основанія, ибо слишкомъ многочисленны доказательства того, что уже въ XI вѣкѣ, а если судить по спискамъ, то и въ началѣ X, русское полногласіе состояло изъ двухъ чистыхъ гласныхъ. При томъ же взглядѣ, по которому *оро* вышло изъ *ара*, это *оро* и вовсе не предполагаетъ формъ съ глухою гласною. Необходимость въ предположеніи формъ со звукомъ въ родѣ *з* при этомъ взглядѣ существуетъ только для объясненія формъ *градъ* (къ г.-радъ) и *grod* изъ *гродъ*.

4. Спрашивая себя о причинахъ, располагавшихъ насъ въ пользу болѣе древности *ра* и пр. сравнительно съ *оро* и пр. и мѣняющихъ г. Ягичу рѣшительно стать на сторону его втораго предположенія, прихожу къ тому, что причины эти—съ одной стороны стремленіе принимать старо-славянскія, или, какъ говорятъ иначе, старо-болгарскія формы за основныя по отношенію къ формамъ другихъ нарѣчій, съ другой привычка къ способу заключенія отъ большинства: напр. въ большинствѣ нарѣчій (Ст.-сл., Болг., Сербско-хорватск., Хорут., Чешско-словацк., Польск., Лужицк.) гласная въ *градъ*, *grod*—послѣ плавной; слѣдовательно вѣроятнѣе, что ея мѣсто древнѣе русскаго полногласія, представляемаго только однимъ нарѣчіемъ (Русск.) или двумя (Вр. и Мр.) чѣмъ на оборотъ. Что до упомянутаго взгляда на Ст.-сл., то онъ имѣлъ силу, не смотря на то, что ни одинъ изъ болѣе извѣстныхъ изслѣдователей не принималъ его безъ ограниченій, а всякій указывалъ то на то, то на другое, въ чемъ другія нарѣчія древнѣе. Мы старались

показать прежде, что относительно различія *з* и *ж* и ихъ мѣста при плавныхъ Ст.-сл. не древнѣе Русскаго, Польскаго, Лужицко-полабскаго. Точно такъ *шт* не древнѣе *ч*, сочетаніе шипящ. и *ц* съ неѣтированными не древнѣе русск. *жю*, *ця* и пр. Въ этомъ отношеніи можно пойти и далѣе, не подвергаясь опасности принять русск. *торгъ* за форму, относительно качества *о*, болѣе древнюю чѣмъ *трѣгъ*, или ново-болгарскія формы *стѣрна*, *вѣрта*, сербск. *гарван*, за болѣе древнія чѣмъ ст.-сл. *страна*, *врата*, *гавранъ*. Что же до заключенія отъ большинства, то (не говоря уже о томъ, что оно, судя а priori, можетъ дать только сомнительный результатъ, такъ какъ нелишено вѣроятности и то, что одно нарѣчіе сохранило признаковъ, потерянныхъ всѣми остальными), мнѣ кажется, полезно усвоить себѣ кое-что изъ стариннаго взгляда русскихъ ученыхъ на этотъ предметъ (Максимовичъ въ 1836 г. и въ Начат. Русск. Филолог. 1848 г., 22 слѣд.). Недумаю, чтобы можно было придавать генетическое значеніе дѣленію Славянскаго языка на двѣ половины: русскую и западно-славянскую (Максимовичъ), такъ какъ языки относимые къ послѣдней врядли имѣютъ какіе либо общіе признаки (кроме отсутствія полногласія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), которые можно бы противопоставить признакамъ русской половины, и такъ какъ въ другихъ отношеніяхъ, между прочимъ по акцентуаціи, юго-славянскія нарѣчія тѣснѣе связаны съ Русскимъ языкомъ, чѣмъ съ сѣверо-западными; но мнѣ кажется убѣдительнымъ то, что Русскаго языка, которымъ говоритъ почти вдвое столько народу, сколько всѣми остальными славянскими языками вмѣстѣ, нельзя считать за такую единицу, какъ нарѣчія Лужицкія и Хорутанское.

5. Прежде чѣмъ перейти ко взгляду г. Гейглера на полногласіе, не мѣшаетъ напомнить о мнѣніяхъ высказанныхъ г. Максимовичемъ гораздо раньше: въ 1839 г. (Ист. Русск. Слов.) и особенно въ 1848 г.

(Начатки Русской Филологіи), тѣмъ болѣе, что г. Лавровскій въ статьѣ о полногласіи при обзорѣ мнѣній объ этомъ предметѣ упоминаетъ только о первомъ изъ названныхъ сочиненій.

Конечно, въ наше время можно располагать гораздо большею массою свѣдѣній для доказательства того или другаго мнѣнія, чѣмъ 20 30 лѣтъ тому назадъ; намъ можетъ очень дешево достаться возможность относиться свысока къ сближеніямъ Максимовича съ санскритскимъ (*боровъ* съ скр. *варма* (sic), т. е. *varāha*; *сорока* съ скр. *сараниа*, т. е. *sārāniā*, что впрочемъ значить антилопа; *порохъ* съ скр. *парага*, т. е. *parāga*, пыль. Нач. Рус. Филол. § 57); къ его сближеніямъ съ Литовскимъ (Поль. *brog* съ Лит. *baragas*, *порохъ*, съ лит. *parakas*—сравненія вѣрныя, но не имѣющія цѣны, такъ какъ эти литовскія формы заимствованы изъ русскаго: *борова*—Мр. *оборѣ*, *порохъ*); особенно же—къ такимъ, какъ сближеніе Мр. *мороба* съ мифологическою Оморобою у Бероза (ib. примѣч.), напоминающее Мицкевичево объясненіе имени Навуходносор: *ne—bóg—одно—сар*. Точно также теперь не трудно уберецъ отъ мнѣнія, что Лит. *wagnas*, *beržas*, Гот *kalds* суть сокращенія полногласныхъ формъ, каковы *вороба*, *береза*, *холодъ* (ib. стр. 108). или отъ подтвержденія того, что «первоначальныя формы словъ были полновучнѣе и многосложнѣе, а сокращенныя являлись послѣ такую ссылку на развитіе органической природы: «тѣмъ же ходомъ шла и органическая природа въ образованіи своихъ родовъ: сперва они являлись въ полнѣйшемъ выраженіи, видами совершеннѣйшими; а подѣ конецъ, какъ бы усталая жизнь рода производила менѣе полныя, низшіе виды (ib. 105—6)». И теперь люди, склонные къ болѣе обширнымъ взглядамъ, ищутъ не безъ успѣха въ явленіяхъ внѣшней природы аналогіи явленіямъ языка. Отбросивши все это, мы видимъ, что мнѣнія Максимовича *mutatis mutandis* могутъ возродиться и въ наше время. Таково Максимовичево дѣленіе слав. языковъ на двѣ рѣчи, Русскую и Западно-славянскую,

основанное на томъ, что въ первой болѣе полногласіа, т. е. обилія гласныхъ звуковъ среди согласныхъ (Нач. § 38). Мнѣніе свое Максимовичъ противопоставляетъ мнѣніямъ Шафарика, какъ о дѣленіи Слав. языка, такъ и о томъ, что ни всѣ первобытныя свойства славящины, поналежащія въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдѣльно, по частямъ, словно обломки послѣ бурн и наводненія, въ Церк.-славянскомъ или Кирилловскомъ находятся вмѣстѣ и въ цѣлости (Шафарикъ, Слав. народописъ. 32, Максимовича Нач. Русск. Филол. § 38), и о томъ, что въ русск. словахъ съ *оро* и пр. «вставное *е* и *о* между плавными *р*, *л* и нѣмыми согласными» (Народ. 9. Начатки 102; слѣдовательно, вставное—второе *е* и *о*). Полногласіе главнымъ образомъ, хотя не исключительно, проявляется въ двухъ породахъ словъ при *р*, *л*: въ одной—Русск. порошокъ—прахъ, ргосъ, въ другой—Русск. слеза, перстъ при слза, суза, прст (Нач. 114)». «Не бывъ ни вліаніемъ чудскимъ (Добровск.), ни произведеніемъ сѣвера (Восток.), полногласіе Русской рѣчи составляетъ ея первобытное свойство, и если бы оно небыло родовымъ, исконнымъ, то его и совсѣмъ бы небыло въ ней. Ибо нѣтъ никакой особенной причины къ такой перемѣнѣ, которая была бы вопреки общему ходу и славянской и другихъ родственныхъ рѣчей» (ib. § 48). «Наклонность къ сокращенію всего болѣе въ слав. рѣчи (въ томъ числѣ и въ русской) обнаружилась въ окончаніяхъ словъ (о чемъ § 49).» «Церковныя формы (съ *з* и *в*) *мѣчъ*, *дѣнь* произошли изъ полногласныхъ *мѣчь*, *дѣнь*; *перстъ*, *торгъ* перешли въ *трѣ*, *прст* и Церков.-слав. *трѣзъ*, *пѣрстъ*» (выше мы это видѣли у Гейтлера). «Приимать обратное значить противорѣчить и общему ходу развитія славянской рѣчи и господствующему выговору при веденныхъ словъ не только въ русскихъ, но и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ, а также и въ разныхъ другихъ языкахъ индо-европейскихъ» (§§ 52—2). «Западно-славянскія формы *мракъ*, *брогъ*, *древо* въ такомъ же отношеніи находятся къ перво-славянскимъ, сохранив-

шимся на Руси словамъ *морокъ, ворохъ*, *) *дерево*, какое къ нимъ самимъ имѣють истощенныя формы — *мркъ, бриг, дрво*; въ какомъ чешскія слова *влкъ, српъ* находятся къ обще-славянскимъ *волкъ, серпъ*. Сначала стали обходиться однимъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, а потомъ стали опускать и оба» (§ 58). «Можетъ быть здѣсь сперва было только утонченіе перваго гласнаго звука въ полугласный, т. е. вмѣсто *человѣкъ, голова, городъ, дерево*, было сперва *чѣловѣкъ, гѣлова, гѣродъ* и пр., и уже послѣ стало *чловѣкъ, глава* и пр.» (§ 59).

Слова, какъ *глава*, «сокращены выпускомъ перваго гласнаго звука» (§ 61). «Въ Кашубскомъ нарѣчьи и въ языкѣ Полабскомъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, у насъ постоянныхъ, удерживается не второй, какъ бы слѣдовало по общему западно-славянскому обычаю, но первый, по обычаю литовскому. Кашубы напр. вмѣсто *порогъ* и пр. говорятъ *парг, варна, сарка*. Полабцы говорили: *ворна, корва, морз, ворта*» (§ 63). Обстановка звуковъ *р* и *л* двумя гласными ведется въ русской рѣчи издревле и убавилась въ ней уже послѣ, такъ какъ слова этого рода вытѣснялись церковно-славянскими *власть* и пр. (§ 55).

Въ самой рѣчи западно-славянской встрѣчается изрѣдка полногласіе какъ неожиданный слѣдъ старинны первобытной. Такъ имя кустарника *деренъ*, сокращенное западными Славянами въ *дренъ, дринъ*, — по польски *дерень*. Слово *черешня* (*cerasus*) такъ выговаривается и у Словаковъ, безъ сокращенія въ *чрешня* или *трешня*. Въ старо-чешскомъ языкѣ встрѣчаются слова *перенелъ, черево, черепъ* (?); въ старо-польскомъ *череда, чересня*. Имя *норовъ* или *нѣровъ* понынѣ ведется въ Южной и Сѣверной Руси, хотя у насъ принялась и церковная форма *нравъ*. У Поляковъ также держится еще древняя полногласная форма *норувъ* или *нарувъ*; у Хорватовъ и Сербовъ *нарѣвъ* (§ 56).

*) Максимовичъ, какъ видно, не знаетъ русскаго *борозъ* = Мр. *оборъ*; дѣйствительно соответствующаго Польскому *brog*.

Эти послѣднія доказательства не всѣ одинаковаго достоинства. Такъ изъ Польскаго словаря можно бы привести не одно слово въ томъ же родѣ (*chołodziec* — *chłodnik*, *mołojec*, *czereпча*, *czerep*, *czereпча*: «*żaba krostawa, którą Ruśniacy zowią czereпча*») столь же несомнѣнно русское по происхожденію, какъ и *deren* («*krzew Ruski abo Podolski*»), «*czereda*» («*kozackie czeredy*», *czereda sług*, какъ по Малор. «за нею хлопців череда»), между тѣмъ какъ туземное *trzoda* — только стало въ собственномъ значеніи, какъ и *czereśnia* при туземномъ *trześnia*. Хотя, какъ видно изъ Линде, одинъ и тотъ же писатель (Краморъ) безразлично употребляетъ и *porow* и *pagow*, но мнѣ кажется возможнымъ разблѣять эти формы такъ, что лишь послѣднюю съ *a* считать туземною, а съ двумя *o* — заимствованною изъ Русскаго: «*Mówi Ruś: szło horod to porow*».

Если устранить мнѣніе о происхожденіи *търъ*, *пъртъ* изъ *торъ*, *пертъ*, гдѣ, по нашему мнѣнію, противъ Максимовича, равно какъ противъ Гейтлера вся древняя русская письменность, и если разсматривать только мнѣніе о происхожденіи *ра* и *пр.* изъ *оро* и *пр.*, то оказывается, что и это мнѣніе доказывается только заключеніями отъ общаго, которое въ свою очередь требуетъ доказательствъ, да двумя-тремя словами. Но справедливость требуетъ признанія, что и противоположное мнѣніе, а равно и попытки объяснить *оро* и *пр.* при помощи славянскѣй взаимности были поставлены не прочіе.

6. Г. Гейтлеръ тоже доказываетъ, что *рѣ*, *лѣ* возникли изъ Русск. *ере*, *еле*, а *ра* *ла*, изъ *оро*, *оло*, съ тою особенностью, что *ѣ* въ Ст.-сл. сочетаніяхъ этого рода возникло изъ *стяженія* двухъ *е*, а *а* — изъ *стяженія* двухъ *о*.

Объ отношеніи *оро*, *оло* къ *ра*, *ла* г. Гейтлеръ говоритъ слѣдующее.

«До сихъ поръ при обсужденіи русск. слоговъ *оро*, *оло* не обращалось вниманія даже на ту простую истину, что они возникли лишь тогда, когда Славянскому языку стало нужно освободиться отъ ненавистныхъ сочетаній, начинающихся съ *р*, *л*» (Лат. *galwà*—голова и пр.). И то, сколько мнѣ извѣстно, осталось нерѣшеннымъ, слѣдуетъ ли считать болѣе древними Русск. *оро*, *оло* или ст. Болгарск. *ла*, *ра*, хотя чуть было не взяло верхъ менѣе вѣроятное изъ обоихъ предположеній такъ, какъ ст.-болг. формы обыкновенно принимаются за болѣе древнія» (Fonologie § 82).

Чтобы невозвращаться къ этому позже, здѣсь уже можемъ замѣтить, что почва, на которую ступаетъ г. Гейтлеръ, не такъ дѣйствительна, какъ онъ полагаетъ. Вопросъ, за который онъ берется, уже до него рѣшался и въ томъ же смыслѣ, и «простая истина» о ненависти, возникшей въ Слав. языкѣ къ сочетаніямъ плавной съ нѣмою, тоже принималась въ соображеніе, но, какъ я старался показать, оказалась не совсѣмъ простою, если не вовсе мнимою.

Г. Гейтлеръ надѣется, что дѣло это выведется изъ сомнѣнія такими соображеніями:

1) «Всѣ дославянскія *ă* (за исключеніемъ нѣкоторыхъ въ началѣ словъ: *азъ*, *алкати*, *алдиа*, *алнии*) перешли на славянской почвѣ въ *о* и лишь тѣ *ă* остались, которыя стояли передъ сочетаніемъ плавной и согласной. Если взять во вниманіе чистую послѣдовательность въ переходѣ основнаго *ă* въ славянское *о* внутри словъ, то возникаетъ вопросъ, почему именно въ этихъ случаяхъ краткое *а* (*ă*) остается неизмѣннымъ (*bărŕda*—брада)?»

2) «Мы назвали перестановку «ассимиляціей» послѣ *р*, *л*.». Если изъ *смъртъ* вышло *смърть*, изъ *нѣлкѣ* *нѣлкѣ*, изъ Литовск. *derwà*—дерево, то что могло развиться на славянской почвѣ изъ *gălwà*? Въ силу необходимого перехода *ă* въ *о*—голова, ассимиляціей послѣ *л*—голова, а стяженіемъ—глава; а есть вознагражденіе за два краткія *о*, какъ *ъ* за два *е* въ *дрѣво*. Вѣсто

двухъ краткихъ *о* мы ожидали долгаго *о̄*, котораго однако ст.-Болгарскій яз. не знаетъ; изъ всѣхъ гласныхъ *а* наиболѣе годилось быть вознагражденіемъ (за два *о*).

«Московское произношеніе слоговъ *оло* или есть позднѣйшее слѣдствіе ударенія, и слѣдовательно не мѣшаетъ нашему объясненію, или дѣйствительно сохраняетъ слѣды *ало*, *ала*, и въ такомъ случаѣ изъ *galwa* развилось прямо *gäläwa*, *глава*, какъ изъ *мерти* и *мерети*—*мрѣти*» (Fonol. § 70, 1, 2. прим.). Здѣсь замѣчу отъ себя, что Русскіе памятники разрѣшаютъ эти сомнѣнія, показывая, что южно-великорусск. произношеніе *о* не ударяемаго за *а* восходитъ лишь къ концу XIV и нач. XV в. (Два изслѣдов. о Зв. Рус. яз. 60. Колосовъ. Очеркъ 131). Слѣдовательно, г. Гейтлеру остается возникновеніе *а* въ *глава* изъ двухъ *о* въ *голова*.

3) «Ст. болгарск. яз. никогда не разлагаетъ *ла*, *ра* въ *оро*, *оло*, но наоборотъ стягиваетъ рѣшительно болѣе древнее *оро*, *оло* въ *ра*, *ла*» (Fonol. § 82, стр. 57). «Уже безъ сравненія съ русскимъ никто не сомнѣвается, что ст.-болг. *пладъните* возникло изъ *полодъните* (*megidies*). Примѣръ этотъ важенъ потому, что въ немъ *оло* не возникло посредствомъ ассимиляціи послѣ *л*; *поло* отъ *полъ* (*dimidim*) прямо доказываетъ возможность стяженія сочетанія *оло* въ *ла* (какъ четвере—четврѣ)». «*Слатина* (*salsugo*, *aqua salsa*)—безъ сомнѣнія отъ *солъ*; суфф. есть *отина* (ср. бляв-отина, храк-отина); основная форма есть *солотина*. «*Блато* (Лит. *balà*) изъ *бол ото* (ср. тон-ото), которое до сихъ поръ въ Русскомъ; *блатина* изъ *бол-отина*, какъ *слатина*, ср. Лит. *balâté*, болотце». «*Слама*, по единоголасному свидѣтельству остальныхъ языковъ, звучало нѣкогда *калам*—(Греч. *καλαμος*, Лит. *calamus*, Дрвѣм. *halam*, Curt. Grundz. № 29), откуда, послѣ перехода *к* въ *с*, правильно могло возникнуть только *солом*—какъ въ Русск.» Ср. Др.-нѣм. *walah*, Русск. *волоха*, съ *олахъ*; Лат. *sagacenus*, *сороцининъ*, *срацининъ*» (Fonol. § 70, 3).

4) Первый слогъ удвоенныхъ словъ бываетъ кратокъ: *гохотати*, *погохотати*, *деждж* (изъ *деде* по

§ 160); *мрмѣрати* изъ *мермер*, *мрмѣр*, *мрѣмѣр*, *мрѣмѣр*; откуда же *а* удвоенія въ *малолати* при *о* удво-
яемаго слога? *а* можетъ быть здѣсь лишь неоргани-
чно; основное *млагал* невозможно; правильное удвоение
корня *гал* есть *гймал*, отсюда *голомл*, *гологол* (совер-
шенно какъ *плѣпелница* § 66, на концѣ). Русское *мла-*
голати есть или заимствованіе изъ Ст.-болг. или стя-
женіе (авторъ принимаетъ, что и Русск. языкъ стяги-
ваетъ *оло* въ *ла* и пр., напр. *златѣ*, или колеблется
между основными формами и стяженіями, напр. *хоромѣ*,
храмѣ (§ 82, стр. 57).

«Такимъ же образомъ и *млаполати*, Чешск. *chla-*
choliti, *krákorati*» (§ 70, 4).

Къ объясненію формъ Польскихъ и Кашубскихъ
(*Poln.* стр. 57) воротимся послѣ; теперь же переходжу
къ оцѣнкѣ изложенныхъ мнѣній.

Изъ предъидущаго можно видѣть, что я теперь при-
знаю силу аналогій указанныхъ Бенѣемъ и др. и что,
стало-быть, я не стану противорѣчить слѣдующему ут-
вержденію, взятому въ его неопредѣленной формѣ: «ме-
жду древнѣйшими дославянскими сочетаніями какъ
согл+а+р v. л+согл. и сочетаніями *ра*, *ла* послѣ
согласной среднюю повремени и переходную степень за-
нимаетъ полногласіе, т. е. согл+гласн.+р v. л+гласн».

Для поясненія удобства этого положенія, можно
выразить его слѣдующимъ образомъ: основныя формы
гард—ас (*urbs*) и *град—ас* (*grando*) перестаютъ каче-
ственно различаться по звукамъ въ Ст. сл. *градѣ* и мог-
ли различаться развѣ тоически и количествомъ ко-
ренной гласной; но въ Русск. и Польск. эти слова раз-
личаются и количествомъ гласныхъ: съ одной стороны *го-*
родѣ, *grod*, съ другой *градѣ*. Это различіе, совпадающее
съ тѣмъ различіемъ, которое мы принимаемъ за отно-
сительно первообразное, трудно будетъ объяснить, при-
нявши, что *гардас*, *градас* сначала сошлись въ обще-
славянской формѣ *градѣ*, а потомъ вновь въ Русск. и
Польск. стали различаться, чѣмъ предположивши, что

въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ видоизмѣненія основныхъ формъ *гарад* и *град* никогда не достигали сходства и по качеству своихъ гласныхъ.

Итакъ мои замѣчанія будутъ относиться къ болѣе частнымъ вопросамъ.

Форма *глава* ближайшимъ образомъ возникла изъ полногласія, но изъ какого именно, того ли, что въ Русскомъ, и какимъ образомъ? Мы видѣли выше отвѣтъ: да изъ *оло*, а изъ стяженія двухъ *о*, вм. ожидаемаго долгаго *ō*, котораго ст.-Болг. языкъ не зналъ. Это незнаніе есть такое предположеніе, которому авторъ не позаботился приискать основаній. О долготѣ и краткости гласныхъ вообще, равно какъ и объ удареніи въ Ст.-сл. мы положительнымъ образомъ незнаемъ ничего *) и можемъ заключать объ этомъ лишь по тѣмъ нарѣчіямъ, въ коихъ есть и теперь долгота и краткость гласныхъ и подвижность ударенія. Притомъ, такъ какъ долгота гласныхъ въ Сербск. (*хлād*=Рус. *холод*, мѣстн. пад. *у хлāду*=Русск. въ *холодѣ*) можетъ имѣть при себѣ краткость въ Чешск. (*chlād*), о чемъ смотр. Два изслѣд. 45—6, то еще вопросъ, можно ли отъ этихъ нарѣчій заключать къ Ст.-Славянскому, и если да, то отъ какого именно въ данномъ случаѣ. Если различныя начертанія *о* въ Ст.-Слав. неимѣютъ никакого отношенія къ долготѣ и краткости этого звука, то отсюда слишкомъ поспѣшно было бы заключать, что количественнаго различія этого звука и небыло и что *о* всегда было кратко. Во многихъ случаяхъ нарѣчія Сербское, Хорутанск., Малорусск., Чешск., Польск. предполагаютъ именно долгое *о*, которое или остается (Серб. *мōј*, т. е. *мōјј*), или переходитъ въ диетонги, которые потомъ частью остаются, частью сливаются въ единичныя гласныя: Мр. *муой*, *иуй*, *муий*, *мий*, *мій*, Ст.-Чешск. *тиој*, Нов.-Чешск. *тиј*, Польск. *тој*, (см. другіе примѣры въ V. Gr. Mikl. I 356, срв. въ моихъ Замѣч. о Мр. нар.

*) Только г. Гейтлеру извѣстно «всеобщее правило, что въ Ст.-Болг. нѣтъ долгихъ гласныхъ» (Linguologie § 55—2).

23—34). Хотя въ этомъ примѣрѣ долгота, не смотря на сходство многихъ нарѣчій, и есть, вѣроятно, явленіе болѣе позднее, чѣмъ утрата конечныхъ глухихъ, но подобныя удлиненія о могли имѣть мѣсто и раньше. Ср. напр. въ памятникѣ XI в. *врагѣромъ*. (Колос. Очер. 62.) Допустивши это, мы не въ состояніи будемъ понять, почему стяженіе двухъ о (*оро, оло*), совершившееся, по признанію Гейтлера, уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, Чешскаго, Ст.-Волгарскаго (Fopol. § 82 въ нач.), дало въ Чешск. не форму *hgōd*, а *hgād* (=городъ), въ Сербск. *vrād* (=vrāad), а не *vrōd*. Если бы а было такою естественною замѣною двухъ о, то было бы странно, почему ни одно изъ тѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ коихъ *ра, ла* вм. *оро, оло*, при встрѣчѣ конечнаго тематическаго о съ начальнымъ въ сложныхъ словахъ (бого—отыць, Серб. *vrōd*—ок и т. п.), никогда не обмолвится и не сольетъ этихъ звуковъ въ а? Раздѣльность сочетаемыхъ словъ здѣсь ничего незначить, ибо неѣмѣшаетъ же она встрѣчаемому въ ст.-русск. памятникахъ сліянію *з+и* въ *зи*, *з+и* въ *и*. *) Признавши аналогію между *плѣнъ* изъ *пѣлѣнъ* и *глава* изъ *голова*, мы спрашиваемъ себя, почему и въ первомъ случаѣ не видимъ результатовъ компенсаціи? почему изъ *зз* не вышелъ болѣе полный звукъ? На это мы остаемся безъ отвѣта.

Итакъ возможность стяженія двухъ о въ а можетъ быть отнесена развѣ къ совсѣмъ другому звуковому строю, чѣмъ тотъ, какой находимъ въ славянск. языкахъ въ историческое время. Единственное, на что, не

*) Въ Жит. Θεод. XII в. (Чт. общ. Ист. и др. 1858, 3) *укакаряхути и, любляхути и, имляхути и, оболачашети и, видѣхомъ и*; въ Смол. Грам. послѣ 230 г. (Срезн. Пам. Р. п. 224): *а вгсхочети и казнити*; въ Синод. сп. Русск. Правды и Впраш. Бюриковыхъ XII в. (Рус. Достоп. I.) *познаети и 34, творити ю* (=ть ю, жену) *прелюбы дѣяти 192*; Въ Ев. 1307 (Буслаева Христ. 100) *моляхути и*; въ Волян. Ев. XIV в. *вгпрашахути* (вм. *ти и*); Буслаева Гр. § 84, пр. 6. Колосовъ, Очеркъ 75.

видимому, можно бы сослаться въ подтвержденіе этого предполагаемаго явленія, и на что однако не ссылается Гейтлеръ, по причинамъ, о которыхъ ниже, есть *а* въ *пробасѣ* (3 л. мн. аор. Assem.) при *бости*, съ чѣмъ параллельно и *всѣд* (3 л. мн. аор.) при *вести*. Оба эти случая называютъ вознагражденіемъ за потерю согласной. Сходныя съ этимъ явленія: *бости*—*пробадати*, *мести*—*замѣтати* относятся къ такъ называемому усиленію гласныхъ.

Въ слѣдующей главѣ «объ усиленіяхъ» я постараюсь показать, что вопросъ: произошло ли *а* въ *пробадати* изъ *о* (въ *бости*), или изъ основнаго *а*, принадлежитъ къ числу такихъ, которые покажутся рѣшаются на-двое.

Въ интересахъ того, что *а* въ *брада* произошло изъ двухъ *о*, было бы доказывать, что и *а* *пробадати* произошло изъ удлиненія *о*; но г. Гейтлеръ утверждаетъ противное. Мнѣ кажется, что если *а* въ *бадати* дѣйствительно изъ *о*, а не изъ основнаго *а*, то изъ этого еще неслѣдуетъ, чтобы и *а* въ *брада* было изъ *о*. Форма *брада* образовалась безъ сомнѣнія на славянской почвѣ; но есть прочныя основанія думать, что и самое *о* возникло на той-же почвѣ и что уже во время особенности Слав. языка на мѣстѣ позднѣйшаго *о* еще нѣкоторое время стояло *а*.

7. Почему непредположить, что *ра*, *ла* (=Русск. *оро*, *оло* возникли не изъ Русск. *оро*, *оло*, а изъ болѣе древней формы *ара*, *ала*? Такое предположеніе было бы проще. такъ какъ оно а) ненуждалось бы въ предположеніи, что первое *о*, переходя на другую сторону плавной, даетъ *оо*=*а*. чему, какъ мы видѣли, нѣтъ аналогій; б) незаставляло бы принимать непремѣнной первоначальной долготы *а* въ *ра* изъ *роо* и пр., а позволяло бы думать, что первое *а*, исчезая передаетъ свое количественное значеніе второму; в) избавляло бы отъ лишней гипотетической формы

голова. *бѣрда*. а позволяло бы возводить *голова* прямо въ *глава*, *главо*. Для г. Гейтлера невозможность такого предположенія вытекаетъ изъ мнѣнія, что всякое краткое *а*, кромѣ начальнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ, перешло на славянской почвѣ въ *о*, стало быть *глава* въ *голова*; но, мнѣ кажется, повѣрка показываетъ, что это мнѣніе предвзятое ради объясненія между прочимъ *глава* изъ *голова*, и ошибочное, что именно при плавныхъ въ славянскомъ удержались такіа *а*, которыя по всей вѣроятности между прочимъ предполагаютъ и до-славянское *а*, а не *я*.

Сюда прежде всего

а) относятся слова, имѣющія въ однихъ слав. нарѣчіяхъ (большею частью, хотя не исключительно въ Юго-Зап.) *ла*, *ра*, другихъ, иногда въ тѣхъ же самыхъ, но преимущественно въ Русскомъ и Сѣв. Зап., *ле*, *лю*, *ро* въ началѣ.

Сербск. *лабѹд*. Чешск. Словацк. *lābut*, *lābud*, Польск. *łabędź*, Хорут. *labod*, *lobod*, *lebed*. Ст.-сл. *лебедь*, Болг. *lebed*. Русск. *лебедь* (что предполагаетъ *лебѣдь*, откуда *лебяжій*). См. Микл. *Lex* и *Curt. Grundz.* № 399. Основное значеніе бѣлизны: *albus*. Основная фор. корня, судя по Греч. *αλφ*, должна быть *албѣ*. Перестановка (черезъ посредство *алаб*) могла совершиться уже въ дославянское время, какъ можно догадываться по Литовск. *lābas*, добрый, значеніе котораго могло также развиться изъ *бѣлый* = свѣтлый, какъ и въ Литовск. *baltas*, бѣлый, добрый, ласковый и Зап. Русскомъ *бѣлз* молодецъ = добрый молодецъ, или, быть можетъ, *хунавз*, *кунавз* молодецъ.

Хорут. *laboda*, *loboda*, *lebeda*. Вр. лебеда. Мр. лободѣ, Болгск. *лободѣ* (*lobodŭ*), Чешск. *lebeda*, Польск. *łoboda*, *lebioda*, Н. л. *loboda*, *loboda*, *woboda*, собств. *chenopodium album*, отъ бѣловатой окраски листьевъ, одного происхожденія съ предыдущимъ. Сюда же Чеш. *Labe*, Н. л. *lobio* (ср.), Полабск. *Labi*, *Lobi* (по Шлейхеру *Lābŭ*, т. е. конечное *i* изъ *o*. Pol. Spr. 70). Мр. *лабѣдѣ*, — юк, мальчикъ попрошайка, нищій, —

-юковати, просить, стараться войти въ милость: Вулканъ «прилабузливсь до Кириды, якъ до просителя пи-сець» Котл. Энеида; Дон. лабуниться, подлаживаться ле-стью полъ кого; лабазить (Пск., Тв.), лстить, угож-дать; Каз. лобзѣ, потачка, баловство; Перм. Пск. Тверск. лабза,—унѣ, кто подлаживается къ кому, лстивый угодникъ, лабзиться кому в—ться къ кому, лстить, подлаживаться; лебезить (Вр.)=лабзить, ле-безина,—нѣе (Волог. Сиб.) лакомство; Хорут. lēbditi — нѣжить, баловать; Сербск. лебдити—ih: «лебди око њега, као мати око њетета», лебезить; Чешск. labu-žiti, лакомиться, labužka—лакомка; можетъ быть, сю-да же, а не къ «liepej gožiš» относится Н. Л. lieb-gožiš, lebgodny, wählisch, lüstern, niedlich, günstig. Трудно думать, чтобы лабза, лебезить и пр. могли быть заимствованіями, какъ Польск. labować—laben, или Н. Л. labować, жить, leben, или какъ лобзати, кото-рое выводить изъ Готскаго.

Ст.-слав. алѣдия—ладия, Хорут. ladja, Сербск. лађа, Русск. лодья, Чешск. lod', Польск. łódź, В. Луж. łódź, Н. Л. lož, Литовск. eldija.

Ст.-слав. лакѣть, Хорут. laket, Серб. лѣкат, ст.-русс. локѣть, нов. локоть, Польск. łokieć, В. Л. lohó, Н. Л. łokś, Чешск. loket, Литовск. alk—unė, elk—unė, olek—tis. Латышск. elkūns.

Сл.-слав. лани, въ прошломъ году, — Хорут. lani, Сербск. лѣни, лѣни, Русск. лони, Чешск. loni, Польск. łoni, В. Л. łoni, woni. По корню (ар) ср. скр. p—ту, пора, время года. Съ литов. pėgnaĩ, въ прошломъ году (Beiträge VIII, 117), не вижу сходства.

Хорут. lapotati, plaudern, Сербск. лапотлив, Русс. лапотать, лопотать, лепетать. Относительно лапухъ, ло-пухъ, лепень, и пр., которыхъ я не считаю заимство-ванными изъ Латинск., см. мою ст. О вліяніи нѣкорыхъ представленій 25—7 (Филолог. Зап. 1864. III).

Н. л. łakosciś, laskosciś, łaskosiś, Польск. łasko-tać=łechtać, лоскотать, Мр. лоскоть, щекогъ

Ст.-слав. рабъ, Хорут. rab, Сербск. робъ, Русск.

робѣ (*рабѣ*—заимствованіе), *робѣ*, *ребѣ*, Скр. *arbha*—*puer*, Ирвн. *arbja*, *baeres*, Mikl. Lex.

Хорут. *gabili*—*operari*, Русск. *робити*, Польск. *robić*, и пр. Готск. *arbaith*, Латин. *labor*. Греч. *ἀλφάνω*, приобретаю, *ἄλφ-ηρα*—заработокъ. Вѣроятноже, что слав. *а—о*==*а* въ Греч. и Лат. словахъ, чѣмъ долгому *о* (*δ*) въ Литовск. *loba*—*работа*, ибо въ послѣднемъ случаѣ можно бы ожидать постоянного *а* въ Слав.; Curt Gr.² № 398.

Ст.-слав. *равънѣ*, Нов.-болг. *раман*, Хорут. *raven*, Серб. *раван*, Рус. осн. *ровънѣ*, Чешск. *rovny*, Польск. *równy*. Н. Л. *говну*, В. Л. *гуну* (= *równy*), Лит. *gau-pas* можетъ быть заимствовано изъ Русскаго.

Ст.-слав. *радити* и *неродити*, *curare*, *negligere*, Хорут. *neroditi*, Чешск. *neroditi*, В. Л. *rodny*—*sollicitus*. Mikl. Lex.

Ст.-слав. *ражънѣ*, *stimulus*, Хорут. *ražen*, *razenj*, Серб. *ражанѣ*, Рус. *роженѣ* (= *рожънѣ*), Польск. *gożen*, Чешск. *gožen*, В. л. *gožen*, Н. л. *gožon*.

Ст.-слав. *разъидиѣ*—*рождиѣ*, Хорут. *rožje*—*roždž-je*, Н. л. *rozdzé*, ср.

Ст.-слав. *раз*. Хорут. *raz*, Болг. *раз*, Серб. *раз*, Рус. *роз*, *розно* (*раз* въ значеніи предлога быть можетъ заимствовано, но *развѣ*?), Польск. *roz*, Луж. *roz*, Чешск. *roz*.

Ракыта, Болг. *ракита* (*а*=*ъ*), Серб. *ракита*, Хор. *rakita*, Чеш. *rakyta*, *rokyta*. Польск. *rokita*, Н. Луж. *go-kit* (м. р.), *rokita*, *rokos'ina*, *tekita*, Мр. *рокита*, Вр. *ракита* (*а* изъ *о* неудараемаго?) и *рокита*.

Ст.-слав. *ралиа*, Хорут. *gal* ж., Русск. *роля* (Мр. *рілля*), Польск. *gola*, Луж. *gola*, Чешск. *gole*.

Ст.-слав. *расти*, Хорут. *gasti*, Болг. *растнѣ*, Серб. *расти*, Русск. *рости*, Польск. *rosé*, Чешск. *rosti*, *růsti*, Луж. *rosé*. Корень въ Скр. *ardh* (*рдидити*) *рости*. Славянскій глаголъ образованъ такъ, какъ литовскіе глаголы начинательные съ суф. *t*: *girstu*, *girsti* (слышать, изъ *gird*—*tu*. Schl. Lit. Gr. § 117.); срав. *плету* при *плѣхѣ*, Скр. *прѣ* изъ *парк*.

б) Сюда же отнесемъ и такія слова, кои во всѣхъ

славянскихъ нарѣчійхъ сохраняются *а* при *р*, *л*, но въ которыхъ ничто не доказываетъ долготы этого *а*.

Ладъ, ровный (см. Mikl. Lex.) и четный «слышахъ, яко надъ кутьею за упокой *е*—ма свѣщама подобаетъ зажныма быти, или *од*—мъ, или колико хотяче *ладно*; а за здравіе *ѣ* или *г*—*ѣ*» (Впраш. Кюр. Калаид. Пам. 180). Отсюда можно заключать что *Ладъ* (Сл. П. Игор.; Вр. пѣсни, Хорв. пѣсни) — собственно *ровня*, половина (какъ въ Малорусскомъ *ровня* въ супружествѣ выражается посредствомъ «до парі»). Ср. также Вр. *ладъ*, линія на сдоченіи двухъ досокъ, пазъ между двумя досками; *лады* поперечные порожки на ручкѣ балалайки или гитары. Всѣ эти значенія удобно возвести къ значенію Лит. *ardau—ardyti*, раздѣлять, пороть шовъ, разбирать возъ, ломать домъ и пр. Въ Скр. ср. *рад—ати*, *findere, separare*, или *ардати, рѣнати*, in bewegung der theile gerathen. Впрочемъ весьма возможно, что другія слова *лад* (ладить, дѣлать) относятся къ скртск. *radh—nō—ти, radh—*

Ст. слав. *алкати, лакати, лакнати*—*esurire*, Хорут. *laknoti*, Польск. *laknać*; *лакомъ* во всѣхъ слав. нарѣчійхъ съ *а*; Лит. *alkstu, alkti* (съ долг. *â*), Латыш. *alkstu, alkt* съ короткимъ, *альчѣтъ, —лачѣтъ*, Лит. *alkanas*. Между тѣмъ литовскому *laku, lakti*, Латышскому *lakku, lakt*, лизать, соответствуетъ славянское *локати*. Хорут. *lokati*, Сербск. (Босн. Дубр.) *локати*, Русск. *локать*, Польск. *łoczyć, łokać*.

Лани, лань, Латыш. *alne, elne*, между тѣмъ, какъ *lonē* можетъ быть заимствовано изъ Русскаго.

Рамъ, Готск. *arms*, Лат. *armus*, Греч. *άρ—μενος*—*gefüge, passend*, Скр. *ар—ам*, нар. на похватѣ, сподручно, *ладно*, соответственно, Литовск. *arti*, близко. Miklos. Lex.

Рало, *radlo*, не изъ орало отъ *орати*, а отъ той формы корня, которая въ Литов. неопр. накл. *arti, aru; ra—dlo* относительно суффикса и формы корня=Санскритскому *ар—и—тра*, прил. приводящій въ движеніе, гонящій (и есть спеціально санскритская встав-

ка) и Литовско-Латышскому *arklas*—плугъ и *arklys*—
конь. *Ратай* не изъ *оратай*, а буквально съ Литов-
скимъ *artojis*—id.

Рака, *арса*.

Г. Гейтлеръ дважды упоминаетъ о словахъ съ *ал*—
ла. Въ § 4 (Fon.) онъ говоритъ, что начальное *а* въ
алкати, *алнии*, *алдиа* возникло изъ дославянскаго
краткаго *а*; въ § 81 прим. находить, что «отношеніе
словъ *алнии* и *лани* дославянское»; т. е., что въ *лани*
перестановка имѣла мѣсто еще до выдѣленія Слав. яз.
Не говоря уже о томъ, что дѣлаемое имъ сближеніе
лани съ Лит. *lonė* подозрительно, такъ какъ это Литов.
имѣетъ видъ заимствованнаго, сравнительно съ *alnė*, два
другіе приводимые имъ примѣра *алкати* и *лакати* и
алдиа—*ладиа*, имѣющіе при себѣ въ Литовск. только
слова съ *al*, *el* (такъ какъ Лит. *lākti*, а не *lakoti*, какъ
у Гейтлера,=не славянскому *лакати*, а славян. *локати*,
не смотря на то, что въ Лит. *ā*), тѣмъ самымъ доказы-
ваютъ, что перестановка совершилась уже въ Слав. періодъ.

По мнѣ, изъ выше приведенныхъ мною словъ вид-
но слѣдующее: 1) Если мы согласимся, что не *а* въ
laboda объясняется изъ *о*, *е*, а наоборотъ, то слова
подъ *а*) показываютъ, что было такое славянское (а не
дославянское) *а*, которое уже на почвѣ отдѣльных на-
рѣчій перешло въ *о* и *е*. 2) Нѣкоторыя изъ этихъ словъ
(лабудъ, *laboda*, *лакати*, *лакть*, *рабъ*, *ралиа*, *расти*) и
нѣсколько словъ подъ *б*) показываютъ, что именно тамъ,
гдѣ слав. *ра*, *ла*=дослав. *ар*, въ славянскомъ удержи-
вается *а*. 3) Если не всё, то нѣкоторыя изъ этихъ сла-
вянскихъ *а* предполагаютъ дославянское *а̋*. Покрайней
мѣрѣ нѣтъ никакого основанія къ противоположному
заключенію, если считать славянскую (т. е. или Чеш-
скую, или Сербскую) долготу за позднѣйшую и если
принять, что Славянско-Литовскому *ā*=Литовское *o*.

Такъ при *рало* (Чешск. *rádlo*, но *rāli*, *rālice*, Серб.
(лоръ) Литовское *ārklas*; тоже въ Сербск. *рагај*, Чешск.
gātaj, Литовск. *ārtojis*. Если судить по Литовскому, то
также кратко основное *а* въ *ладиа*, *лакть*, *лань*.

Сюда слѣдуетъ присоединить и *камы*, Серб. *ка̀ми*, *ка̀мен* (но въ Чешск. *kámen*, род. *ka_m—ene*) Литовск. *kam̃is* и предлогъ *пра*, *про* = Лит. *рга*; *дамь* = Скр. *да́м̃ас*.

Итакъ, если даже допустить, что тѣ *ар*, *ал*, изъ коихъ — *оро*, *оло* = *ра*, *ла*, имѣли только короткое *а*, то и въ такомъ случаѣ вѣроятно, что оно сохранялось и на славянской почвѣ, такъ что изъ *галва* могло выйти слав. *галава*, откуда съ одной стороны *голова*, съ другой *глава*, при чемъ нѣтъ никакой надобности въ предположеніи переходной формы *голга*.

8. Это же заключеніе (о вѣроятномъ сохраненіи основнаго краткаго *а* въ славянскомъ *а*) можетъ быть повторено по поводу того, что Гейтлеръ (§ 70, 4,) говоритъ объ удвоеніяхъ, ибо если основная форма слова *маголз* есть дѣйствительно *галь-гал-*, то изъ вышесказаннаго о словахъ *ладина* и проч. слѣдуетъ, что вѣроятнѣе происхожденіе формы *ла* изъ *гал*, *гала*, чѣмъ изъ *гол*, *голо*.

Утвержденіе, что «первый слогъ словъ удвоенныхъ *бываетъ* кратокъ», въ своей всеобщности ошибочно. Авторъ или упустилъ изъ виду удвоеніе въ санскритск. интенсивныхъ глаголахъ, требующее гуны *и* и *у* и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вриддхи *а* (бѣбhidжа отъ бhid, *findere*, бббhушја отъ бhуш, *ornare*, сасакја отъ сак, *posse*, *valere*. Ворг. К. Skr. Gr. § 498), или полагалъ само по себѣ понятнымъ, что ничего подобнаго въ Славянскомъ нѣтъ, что однако далеко не есть аксіома. Насколько кажется мнѣ справедливымъ вышеупомянутое утвержденіе, я постараюсь показать въ слѣдующемъ.

Представителями удвоенія характеризующаго тему настоящаго времени остались въ Славянскомъ лишь два глагола: *дамь* (дад-мь), да-ти (=Скр. 3 кл.) и *деждж*, Ст.-русск. *дежю*—дѣти, въ 1-й темѣ принявшій характеръ *je* = Скр. *ja*, 4 кл.

Ордаздо болѣе осталось слѣдовъ удвоенія, вошедша-

го въ составъ относительнаго корня, хотя все-таки этихъ слѣдовъ не особенно много. Устранивши рудиментарныя звукоподражательныя удвоенія, какъ Русск. *гай-гайкать*, мы можемъ подвести остальные, по формѣ, подъ слѣдующіе разряды.

1) Удвоеніе состоитъ изъ первой согласной удвояемаго корня и краткой гласной, которая въ Слав. яз. является въ видѣ *о*, *е* (можетъ быть и другихъ: *и* и *у*?), напр. въ *пепелъ*, *попелъ* (Mikl. Lex. s. *планжти*); Вр. *тетеря*, *тюря* (собственно нѣчто растертое, хлѣбъ накрошенный въ воду), *калачъ* (котораго постоянный эпитетъ «тертый»), корень тотъ, что въ *тереть*; Вр. *мель*, *взоръ*, ср. «*молоть* *взоръ*».

2) Удвоеніе тоже состоитъ изъ одной согласной и гласной, но послѣдняя есть *а*, и оказывается или качественно сильнѣе коренной, или равною ей, напр. *напрать* = *напороть*, *filix*, *pteris*, Хорут. *praprat*, *prapret*, *praprot*, id. Что здѣсь въ *па* и *пра* мы имѣемъ не предлоги *па* и *пра*, а удвоенія, это становится вѣроятнымъ послѣ сравненія съ *пръпелъ* = *перепелъ* (Mikl. Lex. «*a volitando*», Болг. *переперуга* — мотылекъ), Сѣв. вр. *перепело*, перепонка въ крыльяхъ кожана, *перепелокъ*, пленка. Сюда же относится и Вр. *напороть*, *напоротокъ*, второй суставъ птичьяго крыла, перепонка между перстовъ водяныхъ птицъ. О связи *напороти* съ перомъ и крыломъ, частью основанной на непосредственномъ впечатлѣніи, частью возникшей изъ такого впечатлѣнія миеической см. у Куна, *Die Naturg. des feuers* etc. и въ моей статьѣ «О связи нѣкоторыхъ представленій» (Филолог. Записки 1864. III). Замѣтимъ, что первое *а* кратко въ Чешск. *karpat'*, Себск. *пйпрѣт*; таковоже оно и въ Литовск. *rapartis*. Если бы можно было увѣреннымъ, что послѣднее заимствовано изъ Русск., (а заимствование здѣсь я считаю возможнымъ *), то мы имѣли бы здѣсь съ

*) Вотъ, какъ мнѣ кажется, подходящій примѣръ подобнаго заимствования. Лит. *dėbesylas*, *inula helenium*, *symplytum officinale*, Шлейхеръ (Lit. Gr. 113) производитъ отъ *dėbe-*
10*

3-хъ сторонъ подтвержденіе того, что краткое *а* можетъ оставаться въ Славянскомъ. *Ра—ро—гъ* (такъ по Миклопичу Лех. подъ *ра—рѣ*), родъ сокола, отъ звука. Сербск. *ваволити*, катать что—либо въ пальцахъ, *ваволак*, шарикъ. Ср. *валять*, Лит. *velti*. *)

3) Корень начинается съ нѣмой и оканчивается плавною съ *а* въ срединѣ. Обѣ согласныя повторяются въ удвоеніи, при чемъ гласная въ Слав. является а) или въ видѣ глухой, или б) чистой.

а) Сербск. *нѣпор*, *coitus piscium*, «кад се *риба* бије», ср. *прати* въ знач. *битъ*. Сюда же Сербск. *нѣпорак*, *нѣполак*, «одрезана лоза винова», *черенокъ*, подобно тому какъ и *чрпнѣ*, *черенѣ*, вѣроятно, значить тоже отрывокъ, отрубокъ; ср. скр. *крнати*, *крѣти*, *чирипѣти*, прич. *чирна*, *scissus*, *divisus* и слав. *крѣнѣ*.

sis. облаго, конечно по множественнымъ свойствамъ; помнится, кто-то думалъ, что Русск. *девясиль*, *девесиль* *inula* и др. заимствованы изъ Литовскаго. Это совершенно невѣоятно въ виду Сербск. *дѣвѣсиль*, раст. Въ Польск. *dziewiosiŃ*, *dziewięsiŃ*, *cham lion*, *inula helenium*. Всякое сомнѣніе въ томъ что первая тема есть *дева-* и что въ сложныхъ словахъ дѣйстви-тельно является такая тема=основному *наван*, устраняется слѣдующимъ: а) *Девягирскѣ*, Ип. Л. 30 (т. е. *Девягирскѣ*); Польск. *dziwiosiŃ*, эпитетъ великана (*Briagaeus*, *Aegaeon*); б) «держитъ де онъ тотъ *дѣвѣсильной* корешокъ и травку отъ *лхчады*» (1680. Акт. Юр. 77); о томъ же самомъ растеніи у того же лица: «корешышко именуется *девятины*, отъ сердеч- ныхъ скорби держать» (ib. 79). Я думаю проще предположить, что Литовск. *dėbesylas*, *inula helen*. есть заимствованное эти- мологически ясное *девясиль* *id*, измѣненное вліяніемъ народной этимологіи, чѣмъ то, что одно и тоже значеніе получило назва- нія въ Слав. и Литовск. столь сходныя по звукамъ и различ- ныя этимологически. Къ тому же суффиксъ *-ylas* Шлейхеръ зна- етъ, кромѣ *dėbesylas*, лишь въ одномъ примѣрѣ *akylas* вни- мательный (бачный) отъ (at)akti, открыть глаза.

*) Неясно мнѣ отношеніе Литовск. *wowėre*, Латышск. *wāweris*, бѣлка (которое можно бы считать удвоеніемъ отъ того *вар*, откуда и Сербск. *верати се*, скрываться, пролѣзать,

Сербск. *прпор* и *прпа* (последнее по видимому потеряло передъ окончаніемъ коренное *p*), горячая зола и пр.; кор. *пар*, Mikl. Lex. *планѣти*, *пенелъ*.

Можетъ быть сюдаже Вр. *хорхоры* (*хър-хор-?*), отребья, мохры, Скр. *срнати*, прош. *сасара*, *difringere*, *dirumpere*; Вр. *варворка* (т. е. ворворка=върв-р-) веревка, на которую привязываются собаки, кор. *вар*, ср. *врѣти* и *вр-въ*.

б) Переходя къ случаямъ сохраненія чистой гласной при плавной въ удвоеніи, къ случаямъ, которые одни только имѣютъ отношеніе къ полногласію, замѣтимъ, что въ санскритѣ имъ соотвѣтствуетъ та форма удвоенія въ интенсивныхъ глаголахъ, которая состоитъ въ повтореніи корня цѣликомъ, съ сохраненіемъ конечнаго согласнаго плавнаго и кореннаго *a*, при чемъ это сохраненіе *a* равняется гунѣ другихъ гласныхъ: отъ *чар*, идти, двигаться—intens. et iterat. *чар чар*—; а въ корнѣ можетъ при этомъ измѣниться въ *y* и *û* (*джар-чур*, отъ *чар*, звучать), а плавная согласная въ удвоеніи—въ носовую согласную того органа, какого требуетъ слѣдующая согласная: отъ *чар* (идти)—*чанчур*, отъ *чал*, колебаться,—*чанчал*, отъ *пһал*—*пампһул*—(Benf. Ueb. i und 1, 53). Кажется, что и это измѣненіе *p*, *l* въ носовую не есть исключительная особенность санскрита. Такъ, руководствуясь однимъ соотвѣтствіемъ звуковъ и оставляя пока въ сторонѣ разность значеній, можно бы сблизить *кжколь*, *agrostemma githago*, *lolium tremulentum*, не съ Литовск. *kūkālas*, id, которое легко можетъ быть заимствованнымъ, а съ Литовск. *kankalas*, зво-

Zeitschr. f. v. Spr. VI, 189.), къ славянскому *въсрица* и Литовск. *waivagas* (самецъ бѣлки и тхоря, куны, лани и др. животн.). Я не нахожу аналогіи для такого усиленія, какъ *ви-вар*, *ваи—вар*. Между тѣмъ ср. Скр. *вивара*, дыра, нора, пещера (изъ предлж. *ви*—разъ и *вар*—*ajegige*), откуда *ваивара* значило бы проходящій изъ норы, имѣющій отношеніе къ ней, «нора-звѣрь». Конечно Литовск. *ai* предполагаетъ *ai*, съ короткимъ *a*, а не *ai*.

нокъ, колотушка, привѣшиваемая къ шеѣ рогатаго скота, т. е. со словомъ, которое весьма близко подходитъ къ Санскр. прилагат. *чанчала*, подвижной, отъ *intens.* отъ *чал*, колебаться, такъ что Литовск. слово значило бы себ. быстро и часто покачивающійся, отъ движенія языка или всего бубенчика. Очевидно, что *чанчал* предполагаетъ *чалчал* и *калкал*, а съ этою послѣднею формою удвоенія срав. *клаколь*—*колоколь*. Что до слова *кжколь*, то въ немъ врядъ ли можно предполагать значеніе колокольчика (по формѣ цвѣтка или сѣмянной коробочки кукля), а скорѣе слѣдуетъ думать, что здѣсь «колебанію» придано активное значеніе, по ядовитому, одуряющему, опьяняющему свойству сѣмянъ (*lolium tremulentum*). Само слово *lolium* и соответственные славянскія корня *лул*, *люл* приблизительно значать тоже. Сюда ли и *чучело*, *кукла*? Слѣдуетъ вспомнить огородныя пугала, вертящіяся отъ вѣтру. Впрочемъ Скр. *кал-а-тѣ* значить и звучать, такъ что *колоколь* можетъ значить и звучащій. Мнѣніе Миклошича (*Fremdwörterb.*), по которому это слово заимствовано изъ Готск. *kelikn*, *turgis*, мнѣ кажется менѣе удовлетворительнымъ. Также образованы *глаголь* (ср. *гласъ*—голосъ и *гълкъ*), Пск. *голололить*, балаяничать; Чешск. *plárol* (плати); Сербск. *пранорац*, звонокъ (прати въ знач. бить, ср. било); Ст.-Слав. *припоръ*=Чешск. *práror*, *praror*. Польск. *prorogzes*, Русск. (потер.) *поропоръ* («надымаяся поропоръ..... надымаяся яко водный говоръ»? Сл. Восток., между тѣмъ какъ Русск. *праноръ* есть заимствованное)—отъ какого-то *пар*; Чешск. *chlacholiti* ухаживать (*холить?*), гладить; Чешск. *krakorati*=Польск. *krokoгаć* (=Мр. «курочка сокорить»); Пск. *моломонъ* (изъ *моломоль?*), колокольный языкъ (Арх. *молотъ*—хвостомъ вертѣть). Въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ я охотно признаю, что удвоеніе первоначально заключало въ себѣ краткую гласную, какъ въ скр. *чарчар*; но только невывожу отсюда необходимости перехода формъ, какъ *калкал* въ *колкол*. Напротивъ, я думаю, что ослабленіе гласной въ удвоеніи скорѣе дало бы намъ форму съ *ъ*, какъ *прпор*.

Быть можетъ, для подтвержденія того, что *ла* (=оло) въ *лаголь* и пр. произошло изъ *ала*, *ара* (откуда и *оро*, *оло*), могутъ пригодиться тѣ два—три Вел.-русск. слова, въ коихъ удвоеніе имѣетъ не *оро*, *оло*, а *ара*, *ала*. Конечно, можно бы думать, что здѣсь *а*—по Ювр. выговору изъ *о*, но *а* слышится здѣсь явственно, чѣмъ тамъ, гдѣ оно діалектически изъ *о*: *барáблѣть*—переворачивать пальцами, копать, Польск. *babrać*, *gmerać*, ковырять; *балаболѣть*=Чешск. *blaboliti* и *brblati*, болтать, говорить пустяки (ср. *бала*—*к*—*ать*); *таратѣорѣть*, Словацк. *trátorit'*, Чеш. *trátoriti*, балакать (ср. Словацк. *tarat'*, *id*, Литовск. *tariu*—*tarti*, говорить, быть извѣстнаго мнѣнія).

Если принять форму, какъ *кѣлѣ-кѣл* (со слѣдующею гласною суффикса) за общую и для русскаго полногласія и для Ст.-сл. *ра*, *ла*, то, мнѣ кажется, будетъ вѣроятно, что предполагаемое такимъ образомъ качественное и количественное (но не топическое) равенство всѣхъ трехъ гласныхъ нарушилось сначала (быть можетъ подъ вліяніемъ ударенія) измѣненіемъ послѣдней, стоящей въ корнѣ, въ *о*. Отсюда могло произойти равенство этой гласной во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (*пра-порозъ*, Польск. *prorog*, Русск. *поро-порозъ* и даже Себск. *пр пор*). Тѣмъ временемъ первыя двѣ гласныя могли оставаться въ прежнемъ видѣ, такъ что, какъ Русск. *коло-колзъ*, такъ и Ст.-сл. *кла-колзъ* имѣли еще ту форму удвоенія, какую находимъ въ *тара-тор* (*и-ть*).

9. Какъ объяснить явленіе замѣчаемое въ слѣдующихъ словахъ?

При Ст.-сл. *нравѣ*, Хорут. *ngav*, Чешск. *ngav*, Русск. *норовѣ*, словахъ, которыя мы по общему правилу можемъ разложить только на корень *нар* (что въ Литовск. *norėti*, *velle*, Mikl.) и суф. *-ѣ* (а не *-овѣ* или *авѣ*), какъ въ *дере-в-о*, *чере-в-о*, мы находимъ: Сербск. *нѣрав*, Хорут. *ngáv* и жен. *ngava*, Польск.

narów, narowie, narowisty, Вр. *нарѡвъ*, *нарѡвистый*, *нарѡв'тый* (Пск. Тв.), *нарѡвъ* (Арх.). Мр. тоже предполагает *нарѡвъ*, такъ какъ есть производныя слова *нарѡвъячко* (нар. пѣсн.), *нарѡвистый*. Никакъ нельзя думать ни того, что въ формахъ съ *нар а* вставлено относительно поздно, ибо такихъ вставокъ не бываетъ, ни того, что *а* удержано для избѣжанія стеченія *нр*, ибо для избѣжанія его Славянскія нарѣчія поступили бы или какъ въ Чешск. *нравъ*, Сербск. *мријест*, или какъ въ Вр. произношеніи заимствованнаго *ндрѡвъ*. Если, какъ мы предположили, общеславянская форма словъ съ *оро=ра* есть *ара*, то отчего въ Хорутанскомъ *нравъ* не есть единственная форма, а имѣетъ при себѣ *наравъ*? И вотъ я дѣлаю еще одно предположеніе, что для образованія русскаго полногласія, состоящаго въ одинаковости обѣихъ гласныхъ и для образованія *ра* въ Ст. сл. и проч. требуется, чтобы въ предполагаемой ими формѣ *ара* равенство гласныхъ ничѣмъ не было нарушено. Изъ *нарѡвъ* могло выйти Русск. *норов*; но если почему либо передъ этимъ изъ *нарав* образовалась фор. *нарѡвъ*, то эта послѣдняя должна была остаться. При такой догадкѣ второе *а* въ Сербск., Хорутанск. *нарав* или есть позднѣйшее, такъ что эта форма—изъ *нарѡвъ* (Ср. Хорут. *такав* и *такѡв*, при чемъ эта гласная не есть бѣглая, какова она есть въ Сербск. *такав*, *такѡв*=*такѡвъ*), или это второе *а*, хотя и древнѣе, но неизвѣстнымъ намъ образомъ отличалось отъ перваго.

Какъ Русск. Польск. *нарѡвъ* относится къ Хорут. *нарѡвъ*, такъ Вр. (Пск.) *нарѡстѡ* (Литовск. *narsztas*, т. е. не изъ *на* и *ростѡ*, см. ниже), относится къ Хорут. *narást, begattug, narases=neresec*, кабанъ некладенный; Ср. Хорут. *neresec, meresec, merjasec, id*; между тѣмъ Полабск. *nerésatz*, некладенный боровъ, слѣдуетъ читать, какъ это и дѣлаетъ Шлейхеръ (Polab. Spr. 179), съ *з*: Вр. *нерѡзъ*, нерѣзанный боровъ.

Какъ *нарѡстѡ* (=Литовск. *narsztas*) относится къ Русск. *норос* и Сербск. *мријест*=Русск. *нерестѡ* (стар. —ть), такъ Тв. *нарѡта* и *нарѡта* (вѣрнѣе кажется

наро́та), Нижегород. *наро́та*, Рязанск. *наре́та*, отнесится къ *норотѣ* (Моск.) и *нере-то*, верша; корень тотъ же что въ Литовск. *peru*, *periti*, Славян. *нрѣти*; *нерето*—по тому признаку, что погружается: «смѣялась верша болоту и сама въ болотѣ».

Ожередь (Ювр.; у Даля ошибочно *ожеретѣ*), длинный стогъ хлѣба, сѣна, (относительно начальнаго о ср. Мр. *ожеледица*, Замѣтки о Мр. нарѣчїи 22—3) и Вологод. *зорѣдь*, *id*, суть слова полногласныя=Литов. *žardas*, подмости, особенно для сушки гороха и пр., Латышск. *za'rdi*, *zārdi* (мн. ч.) тоже. Рядомъ съ этимъ Вр. Сѣв.-Вост. *зародѣ*, *озародѣ*, длинный стогъ, остожье съ городьбой, сушило для сноповъ.

Во всѣхъ этихъ словахъ съ двумя гласными по обѣ стороны *р* обѣ эти гласныя принадлежать корню въ томъ смыслѣ, что или и вторая изъ нихъ стоитъ передъ согласной, относимой къ корню (какъ въ Русск. *нарос*—*тѣ*, Хорут. *narast*, *naros-es*), или хотя передъ согласною суффикса, но сама къ суффиксу не относится: какъ дѣлится *нере-то*, *мере-ти*, такъ слѣдуетъ дѣлить и *наро-та*, *наре-та*.

При случаяхъ, какъ *наровѣ*, въ коихъ удерживается въ болѣе древнемъ видѣ первая гласная, мнѣ кажется, есть такіе, въ коихъ, обратно, вторая гласная остается въ видѣ *а*, а первая, бывшая нѣкогда такимъ же *а*, ослабляется. И такое неравенство можетъ мѣшать, хотя и безусловно, стяженію въ *ра*, *ро* въ тѣхъ нарѣчїяхъ, которыя требуютъ стяженія. Таково мнѣ кажется *жеравль*. Это слово Curtius, Grundz.², № 129, дѣлитъ такъ: *жер-а-влъ*; Mikl. Lex. считаетъ за корень *жу*, *жеру*, *sonum edere*, стало-быть допускаетъ растяженіе корня: *жера-влъ*. Сравнивая Славянское слово съ Литовск. *gérwē*, я считаю вѣрнымъ, что корень есть *gar*, и вѣроятнымъ, что и въ славянскомъ *г* первоначально примыкало къ *р* и лишь затѣмъ отдѣлено отъ него, какъ въ *наравѣ*. Такимъ образомъ предполагаемыя формы были бы *гарв*—*гарав*, *жерав* съ суффиксомъ *ја*. Въ Хорут. *žerjau ja* можетъ тоже принадлежать не

суффиксу, такъ какъ такое *ja* встрѣчается въ *merjas-es* = *merêsec*, *peresec*, *parases*, кабанъ (Mikl. Lex. перестъ). Потеря гласной передъ *p* въ Сербск. *ждрао* кажется несравненно новѣе формъ съ *pa* (= Рус. *оро*) общихъ нѣсколькимъ нарѣчьямъ и можетъ быть сравнена съ Русск. *жлуди* — масть треновая (жолуди); *y* въ Рус. *журавль* возникло изъ *o*, а это изъ *e*; тоже и *ó* въ Польск. *żbaw*'.

Формы: *мравий*, Сербск. *mrâv*, Хорут. *mrav*, *mravlja* (ж.), Чешск. *mraves*, Польск. *mrówka*, В. л. *mravja*, Н. л. *mrôja* требовали бы въ Русск. формы *моров*: *моровий*. Такая форма и была въ Ст.-Русск. (собствен. Моровіескъ въ Ип. Л.). Въ нынѣшнемъ Русск. *муравей*, *муравель* и *y*, и *a* могутъ быть довольно древни, такъ какъ распространены по всѣмъ Русск. говорамъ. Тѣмъ не менѣе сравненіе съ *журавль* показываетъ, что *y* въ *муравей* могло возникнуть уже изъ *o* (слѣдовательно, лишь случайно совпадаетъ съ *o* въ *мѣри-гѣ*) и что *a* послѣ *p* древнѣе этого *y*. Такимъ образомъ изъ *мар-в* возникло *марав-*, а отсюда съ одной стороны Русск. *морав-*, *мурав-*, а съ другой независимо другъ отъ друга Ст. сл. *мрав-* и Рус. *моров-*.

Оставляя многое, сказанное въ этомъ §, подѣ сомнѣніемъ, я все таки думаю, что слова *наравъ* и *наровъ*, *parast* и *parost*, *нарота*, *зародъ* болѣе говорятъ въ пользу предположенія, что *глава* и пр. прямо изъ *галава*, чѣмъ въ пользу мнѣнія г. Гейтлера, что Русск. *оло*, *оро* есть общеславянская форма.

10. Миклошичъ говоритъ: «замѣчательно Сербск. *пладне*, которое такъ относится (*gegenübersteht*) къ ожидаемому *полодне* (изъ *полъ* и *днь*, откуда Ст.-слав. *полодъниѣ*), какъ въ другихъ случаяхъ *ла*, *ра* къ Русскому *оро*, *оло* (*слама* — *солома*). Обратный случай въ Сербс. *пелена* относительно Ст.-сл. *плѣница*, вм. котораго однако Ст.-сл. и *пелена*» (V. Gr. I. 298). Въ словарѣ кромѣ формы *пладъне*, *пладъниге*, дѣйстви-

но находимыхъ въ др. Ст.-сл. памятникахъ, онъ изъ данныхъ въ памятникахъ формъ *скоролоупа*, *скоролоупла*, *скоролоуца*, дѣлаеть формы *скралоупа*, *скралоупла*, *скралоуца*, *cortex* и ставить ихъ въ красную строку. При этомъ онъ руководится аналогіей съ указываемыми имъ Хорутанскими *skralub*, *škralub* — *cremor*, *škreľjub*, *škraljup* — *superficies densior ut in lacte*, *skraljup id*, Чешск. *skraloup*, *škraloup* — *crusta*.

Мы видѣли (6, 3), что Гейтлеръ ставитъ *пладъниѣ* изъ *полодыниѣ* доказательствомъ того, что вообще *ла*, *ра* (*глава* и пр.) изъ *оло* — *оро*, на что замѣчу слѣдующее.

Случай *пладне*, а равно и *skraljup* изъ *скорѣ-луп* и мнѣ кажутся весьма замѣчательными, но не какъ указанія на правило, а какъ исключенія. Они — изъ ряду вонъ потому, что въ нихъ превращены въ *ла*, *ра* такіе *оро*, *оло*, въ коихъ второе *о* есть тематическая гласная, стало быть принадлежить къ суффиксу. Тоже я думаю о *рѣ* изъ *ере* въ *четверногѣ*. Во всѣхъ нарѣчіяхъ имѣющихъ *ра*, *ла*, или *ро*, *ло*, гдѣ въ Русск. *оро*, *оло*, не смотря на это свойство нарѣчій неизмѣняющихся полногласія, правило составляютъ случаи, каковы въ Ст.-Славян. *коловратѣ*, *второзаконіѣ*, *скоротечнѣ*, *скорость*, *скорота*, Серск. *голдѣлав*, *голдѣтина* и т. п., т. е. такіе, въ коихъ *оро*, *оло* остаются.

Разсматриваемыя нами стяженія *ра* и пр., соответствующія Русскимъ *оро*, *оло*, характеризуются именно тѣмъ, что имѣютъ мѣсто только въ корнѣ. Это положеніе можетъ быть выражено и иначе. Только тѣмъ Русскимъ *оро*, *оло* и пр. соответствующимъ по правилу въ другихъ славянскимъ нарѣчіяхъ *ра* и пр., въ коихъ второе *о* возникло изъ неорганической гласной, а не изъ этимологически знаменательной. Такая неорганическая гласная могла появиться послѣ плавной лишь тогда, когда за этою павною первоначально слѣдовала согласная. Я несогласенъ съ г. Гейтлеромъ, который утверждаетъ, что Ст.-сл. *слатина* *palus*, *salsugo*, изъ *сол-ѣтина*, а *блато* изъ *бол-ѣто*. Изъ того, что дѣйстви-

тельно есть суффик. *-ота* (сухота), *-от-ина* (блвотина), *-ото, -ето* (тен-ето), кажется мнѣ слишкомъ смѣлымъ заключать, чтобы были *только* такіе суффиксы. Какъ въ *золо-то=злато* суффиксъ есть только *-то*. (Готск. *gul—th*), такъ и въ *боло-то—бла-то*, предполагающемъ *бал-та*, *бала-та*, и въ *сла-т-ина*, предполагающемъ *сал-та* (Ср. Готск. *sal-ta*, соль) *сали-та*.

Если, тѣмъ неменѣе, мы встрѣчаемъ въ видѣ исключенія формы какъ *пладъниѣ*, *skraljūr*, то это потому, что понятія корня и суффикса все-таки измѣнчивы, такъ что сознаніе говорящаго можетъ подъ конецъ воплотить въ корень то, что ему первоначально не принадлежало (напр. *ид—у*, *ѣд—у*). Такое смѣшеніе видно въ перестановкѣ согласныхъ въ Сербск. *пландиште*, мѣсто, гдѣ отдыхаетъ скотъ въ полдень, *пландовати*, о скотѣ: отдыхать въ полуденный жаръ; въ опущеніяхъ существенныхъ звуковъ въ Сербск. *скоруп*—сливки (собств. пѣнка).

11. Здѣсь кажется уместнымъ спросить, въ какой мѣрѣ сильно заключеніе отъ способа возникновенія *ра—ла* и въ Русск. *оро—оло* въ относительно позднее время къ способу первоначальнаго происхожденія этихъ сочетаній въ Слав. нарѣчіяхъ? Не служитъ ли все таки *пладне* изъ *полодъне*, при всей своей исключительности, указаніемъ на то, что и *глава*—изъ *олова*? Безъ сомнѣнія справедливо въ разныхъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ психологическомъ, что куда текла вода, туда и опять потечетъ; но наблюденія частныхъ случаевъ этой наклонности къ прорытымъ русламъ и протореннымъ путямъ въ языкѣ приводятъ къ весьма различнымъ заключеніямъ. Такъ напр. признано, что сочетанія *al*, *ag+* согласная въ Литовскомъ *galwa* древнѣе соответственныхъ сочетаній въ Слав. нарѣчіяхъ (*глава—олова*); но для Литовскаго языка названныя сочетанія и имъ подобныя служатъ не только исходною точкою: они

составляютъ его привычку, которой подчиняются, входя въ Литовскій, и болѣе позднія явленія Русскаго полногласія, а равно и такія сочетанія, которыя имѣютъ то общее съ полногласіемъ въ тѣсномъ смыслѣ, что состоятъ изъ плавной, окруженной гласными: изъ Русскихъ *коровай*, *соромота*, *черепъ*—*черепица*, *черемуха*, *переходъ* выходятъ въ Литовскомъ *karwojas*, *sagmata*, *szegpe* (кахла, изразецъ) и *szerpiczia*, *szermuksznis*, *perkadas*; изъ *коляда*, *колымага*, *каламаръ* (*kašamarz*), *баламутъ*—Литовскія *kaldos* (мн. ч. милостыня, собств. сборъ колядниковъ, волочебниковъ), *kalmogas*, *kalmorius*, *balmutas*. Рядомъ съ этимъ Русская форма можетъ и слегка лишь видоизмѣняться (*karalus*, *kalėdos*), и полногласіе можетъ являться въ Литовск. въ видѣ *ra*: *скоморохъ*—*skambrakas* (прозвище), *Skambrakai* (=Скоморохи, названіе нѣсколькихъ деревень), *сковорода*—*skauradà*, *skarradà*, *skarwadà*. Если бы кто вздумалъ, основываясь на этомъ, выводить Литовск. *kartas* разъ, кратъ изъ *корот* и Литовск. *platūs*, широкій или *полотъ*, тотъ попалъ бы въ просакъ. Тоже самое вообще съ Литовскимъ *a* въ заимствованныхъ словахъ, изъ Слав. *o*.

Такимъ образомъ, если въ Слав. нарѣчіяхъ, имѣющихъ *ра*, *-ла*—Русск. *оро*, *оло*, возникнетъ *кладне* изъ *полодне*, то это служить доказательствомъ лишь того, что въ этихъ нарѣчіяхъ есть навыкъ къ сочетаніямъ *ра*—*ла*. Приводя соотвѣтствіе дрвн. *walah* и *Волохъ*—*влахъ*, *Saracenus*, *Σαρακηνός* и *Сорочининъ*, *Срацининъ*, г. Гейтлеръ считаетъ ихъ подтвержденіемъ того, что *ла*, *ра* изъ *оло*, *оро*; между тѣмъ я могъ бы повернуть эту воду въ свою скрыню и на свое колесо (*ра* изъ *ара*), но не дѣлаю этого потому, что такой прецедентъ могъ бы принудить въ послѣдствіи и къ прямо противоположному заключенію, и къ тому, что Русск. *оро*, *оло* изъ *ра*, *ла* (чего вообще я теперь недопускаю вмѣстѣ съ Гейтлеромъ), и къ тому, что Русск. *оро* прямо изъ *ор*, чего я тоже недумую.

а) Есть случаи, когда Русск. полногласіе возникло прямо изъ *ра* и пр. Таковы:

коромыселъ, коромысло предполагаетъ ближайшую форму къ *кра*, однако возникло изъ Греч. *хреѡστρον* (соб. вѣшало, *хре-ра-раи*, вишу, Латыш. *kāgū—kartī*. Curt. Grundz² № 75.) или *хреѡστήρ* (Павскій, Фил. Набл.).

Волосъ (Игумень, Новг. I Лѣт. 19 подъ 1187 г.) —Власій.

б) Въ славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихъ *ра*, *ла* = *оро*, *оло*, иныя заимствованныя слова съ *ра*, *ла* могутъ быть объясняемы изъ непосредственной перестановки *аг*, *ал*, *ог* подъ давленіемъ аналогій, не въ ущербъ существовавшему нѣкогда процессу, какъ *акаршит* изъ *акаршит*. Какъ Луж. *ггока*, граница, край, страна — изъ *marcha*; такъ Сербск. *кал* (*calx*, Дрвн. *calch*), Ст.-сл. *крамола* (*carmula*), *Поликранъ* (*Πολύκρατος*), *кранъ* (Ср. Лат. *сагра*, Дрвн. *charpho*), *брадъ* (Дрвн. *barta*), *мраморъ* (*marmor*, *μάρμαρος*), *срака*, *чица* (Ср. Лат. *saraca*, но и *saraca*, *serika*), Сербск. *савуля* (*salvija*), *крабий* (*corbis*), *скрапий* (быть можетъ прямо изъ *скорпій* (*скорпиумъ*, Изб. 1073,) и лишь посредственно изъ *σχορπίος*, *scorpio*). Впрочемъ въ иныхъ словахъ можно допустить посредство Дрвн. *ага*, *ала*, какъ въ *краль* — *charal*, *Влахъ* — *walach* (Mikl. Fremd-wört.).

Полногласіе въ соответственныхъ Русскихъ словахъ можетъ быть объясняемо различно: или прямо изъ *аг*, *ал*, *ог*, или изъ *га*, *ла*, смотря потому, взято ли оно изъ первыхъ рукъ отъ Грековъ, Нѣмцевъ, или черезъ посредство южныхъ Славянъ или Словаковъ и Чеховъ. Разумѣется, этого безъ особыхъ изслѣдованій рѣшить невозможно. Пока судъ да дѣло, можно замѣтить: вѣроятно, что *король* изъ *краль* (изъ Угріи, черезъ Словаковъ и Галичъ), чѣмъ прямо отъ собственнаго имени; напротивъ *оро* въ «*кърста мороморяна*» можетъ быть изъ *ар*, отъ Черноморскихъ Грековъ; тоже изъ *ар*

полногласіе въ *Тмуторокань* и *Асторохань* (Восточ.; позднѣе, быть можетъ подѣ влияніемъ Церковнаго языка—*Астрахань*); изъ *хартита* или *харѣтита* (χαρτίτης, χαρτίον, charta) вышло однако Ст.-рус. *харатья*; змѣя *скоропля*, можетъ быть изъ *скорѣтина* обычнаго въ церковныхъ книгахъ.

в) Замѣчательно: «я изъ рукъ изъ ногъ *короватку* смощу» (народ. пѣсня), гдѣ имѣемъ растяженіе *ро* (*кровать*—κράβατος) въ *оро*. Подобный единичный случай представляетъ В.л. *syłobik*, Н.л. *syłowik*, *syłoik* (вѣроятно изъ *sołowik*, которое изъ *słowik*). Можно сравнить: «въ Литовскихъ словахъ, какъ *kraszta*, край, *greitas* скорый. Нѣмцу, по меткому замѣчанію Куршата, слышатся какъ бы *karaszta*, *gareitas*.» Schleich. Lit. Gr. 18.

12. Къ подобной же категоріи позднѣйшаго растяженія сочетанія *muta+liquida* я бы отнесъ тѣ случаи въ Полабскомъ, въ которыхъ Шлейхеръ считаетъ гласную (*a*, *e*), появляющуюся передъ *r*, за замѣну одного изъ еровъ: *karoi* (кры—кровь), *taroi*, *teri* (три), *zaga*, *zega* (зрю), *sarat* (срать), *märe* (мреть), *täre* (треть), *raganeica* (праница, т. е. праникъ, валекъ), *pared* (предъ, прежде), *wakarst*, *wakörst* (окрестъ), Schleich. Polab. Spr. 30. Всѣ эти случаи кажутся совершенно однородными съ *karoi*, *taroi*; но такъ какъ въ *кры*, *крѣе* я не вижу никакого основанія допускать когда либо въ древнее время *z* передъ *r*, какъ въ Русскомъ, такъ и во всѣхъ Сѣв.-Зап. нарѣчіяхъ, равно какъ и въ *три*, *трое*; то во всѣхъ этихъ полабскихъ формахъ можно скорѣе видѣть слѣдствіе позднѣйшей распушенности органовъ (въ родѣ той, какая свойственна Мадьярскому и какую мы прежде предполагали въ Русскомъ, вывода всѣ *оро*, *оло*, *ере*, *еле* изъ *ра*, *ла* и пр.), чѣмъ остатокъ старины. Мнѣніе это подтверждается слѣдующимъ:

1) Между коренною согласною и *л* суффикса прич. на *лз* въ Полабскомъ тоже является *а* (по транскрипціи Шлейхера *ā*): *kradal* (*kradŕ*), *jedal* (*jedŕ*), *eidal* (= *idŕ*, т. е. шелъ), *wad'al* (или *wiadial* = *wiadŕ* — вяль), въ родѣ того. какъ въ Словацк. *kradol*. Сюда же и Полабское *wuzalene v. wuzalena* (вжзльнѣи). *Schleich. Polab. Spr.* 37.

2) Въ Полабскомъ спорадически появляется неорганическое *е, і* между нѣмою и плавными *л, м, н* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по мнѣнію Шлейхера, эти гласныя лишь чудились нѣмецкимъ записывателямъ, тогда какъ на дѣлѣ былъ лишь непривычный для нѣмецкаго уха сильный и опредѣленный (*stark und bestimmt*) славянской выговоръ согласныхъ. Шлейхеръ (l. с. 39) видитъ только двѣ возможности: или эти гласныя (*е, і*) суть замѣны *з, в*, и въ такомъ случаѣ они должны бы звучать какъ *ā, iā* (*ǣ*), или они суть слѣдствіе иллюзіи записывателей. Но мы, слыша у Русскихъ дѣтей, иногда даже у взрослыхъ: *пашеніца, пашеніца* (пшеница) «за рѣшбѣтками за желѣзными» (въ пѣснѣ), развѣ не могли бы, по этому способу, отвергнуть дѣйствительность существованія этихъ звуковъ (*а, и*), сказавши, что если бы эти звуки были замѣнами еровъ, то было бы: *пешеница* (пышеница), *рѣшотоками, желѣзеными*? Я вижу болѣе чѣмъ иллюзію въ Полабскихъ: *radeli* (v. *rodeli* = *radŕo*), *seideli* (*szidŕo*), *sartjodela* (зеркало), *mötiweidele* (*motowidŕo*) (ib. 182), *sodeli* (*sadŕo*, ib. 39); *kródene* (*kradnie*), *wa-, wit-, zo-*makenŕt (*мъкнѣти*), *weikene* (*выкнѣть*), *wastakenŕt* (*вѣстѣнѣти*), *swigene* (*śwignie*, *стегнѣть*), *wirgene, wirgenŕt* (*выргнѣть, выргнѣти*), *dweigenŕt* (*двигнѣти*) ib. 281—3; *biliawe* (+бильветъ), *dilan* (длань), *tjinaz, čenaz* (кнѣзь), *giniozda, geniozda* (гнѣзда), *chimil—szemil* (хмѣль), ib. 39.

Тѣмъ не менѣе я признаю, что эти вставные звуки были настолько слабы, что схватывались не во всѣхъ случаяхъ и не всѣми.

Относительно Камубскихъ формъ, какъ *paṛsa*, по-

рося, г. Гейтлеръ (Fon. p. 57) утверждаетъ, что по древности они не уступаютъ Литовскому *ag* въ *parzas*. Русскому читателю извѣстно, что такое мнѣніе у насъ высказано было П. Лавровскимъ (О полногл.). Я же и теперь остаюсь при своемъ мнѣніи (Два Исслѣдованія 27—9), но высказываю его болѣе рѣшительно, пользуясь относительно Полабскаго нарѣчія многократно упомянутымъ выше сочиненіемъ Шлейхера. Данные, изложенныя въ этомъ трудѣ, мнѣ кажется, могутъ только подтвердить прежнее мнѣніе о величайшей близости Полабскаго нарѣчія къ Польскому. Нарѣчія: Лужицкія, Полабское, съ образующими переходъ къ Польскому Словинскимъ и Кашубскимъ, и Польское несомнѣнно образуютъ одну группу. Родство Польскаго съ Полабскимъ ближе чѣмъ Польскаго съ Лужицкими, а послѣднихъ ближе, чѣмъ Польскаго съ Чешскимъ; явленія, приближающія Польское къ Чешскому, какъ *gz* = *ř*, звѣдомо позднѣйшаго происхожденія, точно также, какъ и многія явленія удаляющія Полабскій языкъ отъ Польскаго. Эти послѣдніе языки между собою родные, между тѣмъ какъ съ Чешскимъ двоюродные.

Такой взглядъ могъ бы быть опровергнутъ только однимъ способомъ, именно, если бы можно было доказать, что Полабск. *parsa*, не предполагаетъ Польско-Полабской формы съ гласною послѣ *p*, а прямо восходитъ къ *ag* (не *og*, какъ можно бы думать, соглашаясь съ Гейтлеромъ). Въ своей статьѣ о Полногласіи (Два изслѣдованія 27) я упоминалъ уже о прямомъ послѣдствіи этого. Если во время единства Польскаго яз. съ Полабскимъ и Кашубскимъ въ этихъ нарѣчіяхъ стояло *ag* въ *parsa* = Пол. *prosie*, то, значить, все то, что связываетъ между собою нарѣчія Польскія и Лужицкія и эти съ Чешско-Словацкимъ, возникало въ нихъ независимо другъ отъ друга, отъ причинъ, которыя мы, избѣгая ихъ разчлененія, должны бы назвать неопредѣленнымъ именемъ географической смежности или сосѣдства. Конечно, въ научныхъ вопросахъ менѣе всего слѣдуетъ бояться ереси, но не слѣдуетъ становиться диссидентомъ

безъ достаточныхъ оснований, которыхъ въ настоящемъ случаѣ, сколько мнѣ извѣстно, никто не показалъ. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

До сихъ поръ мы были убѣждены, что явленія *оро* (=го (=ра)) и *оло*=*ло* (=ла) приблизительно одного порядка или наслоенія, точно такъ какъ и явленія съ *ере*=*ръ* и *еле*=*ль*. Мы не видѣли ничего, что бы насъ заставляло думать, что напр. въ то время, когда въ Русскомъ было *оло*, сочетанія *оро* еще небыло, а на его мѣстѣ стояло *ар*, или: въ то время какъ было уже въ Русск. *ере*, *еле*, сочетаніе *оро* еще не существовало, а было *ар*. Нѣкоторыя ограниченія, говорящія въ пользу первенства *оло*, *оро*=*ла*, *ра* передъ *ере*, *еле*=*ръ*, *ль*, будутъ приведены ниже. Я не говорю, чтобы все это было навѣки нерушимо, но вѣдь нельзя же намъ думать такъ, какъ наши ожидаемые потомки. И вотъ мы строимъ силлогизмъ:

а) Замѣна *ъ* въ *ръ* (=Русск. *ере*) стоитъ въ Полаб. (и Кашубск. Слов.) на томъ же мѣстѣ, что въ Польскомъ: *sriberna* (=ру) 190; *brig* (брѣгъ), *prid* (прѣдъ), *prizemior* (=Вел.-Поль. *przezmiory*; Н.л. *přes*, *pše*, *bžez*=безъ, какъ въ Мазов. *psez cöpki*=*bez czapki*) безмѣрный или безмѣрно; *zriba* (v.—*bia*? жрѣба), *criv* (чрѣвъ—чрѣвий), *crewa* (чрѣва мн. v. род. ед.) *sre'da* v. *srëda*, *breza* (Schl. Pol. Spr. 93).

б) Гласная стоитъ послѣ *l* въ *mlaka*, *mlauka* (под. молока), *mlacena* (-нѣ, молочный) *ib.* 39; *plawai* (по Шлейхеру *plawai*, множ. ч. половы); *wlace* (er egg) *ib.* 89; по Шлейхеру здѣсь *a* изъ *ъ*, какъ въ «по swate»=по swiatë 89; но *la* здѣсь также можетъ изображать *ло*=*оло*, ср. *slawak*, *czlawak*, Польск. *człowiek* *ib.*), и въ такомъ случаѣ Полаб. формы соответствовали бы не Ст.-Сл. съ *лъ*, а Русск. съ *оло*: молоко,-чный, половы, волочить.

в) Полабскія слова, гдѣ въ Польскомъ и Лужицк. *ло* (=Русск. *оло*), дошли до насъ съ *la*, *lâ*, *loo*, *loa*, что все Шлейхеръ изображаетъ черезъ *â*: *wlak*, *wlook*, *wloak* (волокъ, неводъ), *glawa*—*glowa*, *chlad*—*chload*,

slana (=пу^е. соловый), dlân—dilân, slama, wlas, mlade (=у^е, мѣлody), glâd—gład, klatjel, klatjał, klaćul (по Шлейхеру klākūl, колоколь), ib. 70. Возможность предполагать здѣсь ближайшую основную форму такую же, какъ и въ Польск.-Лужицк., т. е. *ĭo*, видна изъ того, что и основное *o* является не только въ видѣ *oa*, *oo*, но и въ видѣ *a*, *ah* (ib. 61).

г) Припомнимъ упомянутое выше стремленіе Полабскаго раздѣлять сочетанія согл+*p*+гласн. посредствомъ вставнаго *a*, *o* (по Шлейхеру *ā*). Въ числѣ примѣровъ тамъ было и *pared*=*прѣдъ*. Если признаемъ, на основаніи свидѣтельства Польскаго и Русскаго, что въ *окръстъ* гласная стоитъ послѣ *p*, то въ Полабск. *wakarst*, *wakorst* мы увидимъ процессъ состоящій въ томъ, что послѣ появленія вставной гласной передъ *p*, основная гласная позади *p* исчезаетъ. Если Шлейхеръ правильно прочелъ *piordz* (=прѣжде) вм. *bors*, *borsch eher* (Polab. Spr. Словарь), то мы имѣли бы въ этомъ словѣ примѣръ, подобный предъидущему, но съ *рѣ*=Русск. *ере* (переже). Сюда же относится предлогъ *rōg* (по правопис. Шлейхера), дошедшій до насъ въ видѣ *por*, *per* (*perjedz*, *durchfressen*, повелит.), *rōg*, (*rōrstrelit*), *pir* (*pirdon*, *pirtū*, *darum*), который предполагаетъ отнюдь не *про* (Шлейх. ib. 154), а *прѣ*=Польск. *prze* (какъ въ *przeto*=*darum*, *prze bóg* и т. д.).

д) Полабск. *sworkó*, сорока, вполне объясняется не «*volks-etymologisch*» (Schl. ib. 151), а фонетически, именно: если Полабское нар. предполагаетъ основную форму начального сочетанія *zro* (или *zga*, что въ настоящемъ случаѣ для насъ безразлично), то *w* есть такая же эвфоническая вставка, какъ *t* въ Чешск. *straka* и *e* въ Сербск. *сѣрака*.

И такъ: случаи *a*, *b*, *e* заставляютъ насъ ожидать, что и въ случаяхъ, гдѣ Польск. *go*=Русск. *оро*, въ Полабскомъ будетъ гласная послѣ *p*; случаи *z*, *d*, показываютъ, что основныя сочетанія согл.+*p*+гласн. въ Полабскомъ являются въ видѣ согл.+гласн.+*p*: слѣдовательно Полабское (и Кашубск.) *paraſa* относительно

аг неестъ тоже, что Латышск. *parszas*, а предполага-
етъ уже славянскую форму съ гласною послѣ *p* Полаб.
pared = *прѣдъ* даетъ основаніе думать, что ходъ возник-
новенія формы *parsa* изъ *prosa* (для меня это гораздо
вѣроятнѣе, чѣмъ изъ *praša*) прямо противоположенъ
тому, какой мы предполагали для *прася*. Именно въ
последнемъ изъ *ар* — *ара*, а въ первомъ изъ *го* — *аго*, *аг*.

Для заключенія о качествѣ гласной въ Полабск.
словахъ, какъ *parsa*, имѣются такіа данныя:

а) *ог*: *mōrz* (мразъ), *mōrwe* (мравий или мравъ?)
korwō (крава), *bōrdzia* (бразда), *chōrna* (Серб. храна —
пища), *wōrno*, *wornō* (врана), *gorch* (грахъ), *gord*
(градъ), *worta* (врата) и *pōrsa* (прася). Schl. 154.

б) *ар*: *starna* (страна), *garch* (грахъ), *ib.*; можетъ
быть сюда же: *ni ja ko woigarninja* (*ist nicht aus zu spre-
chen*) *ib.* 97, при коемъ Н. Л. *groniš* говорить. Шлейхеръ
во всѣхъ этихъ словахъ, кромѣ *starna*, пишетъ *о*. Та-
кимъ образомъ, заключая отъ большинства случаевъ, мы
пріимемъ за ближайшую основную форму *го* = Польск.
и Лужицкому. Если мы спросимъ, почему же въ сло-
вахъ съ основ. *го* (= Русск. *оло*) мы не находимъ *о* *v.*
а, то во 1) нужно будетъ сослаться на особенность
природы звука *p*, вслѣдствіе которой и въ Болгарскомъ
вставная гласная появляется спорадически именно передъ
p въ тѣхъ же случаяхъ: *старна*, Безсон. I, 177, *варта*
Пам. и *Обр.* I, 339, *) хотя и *palaski*, *palaske*,
плашмя (Mikl. плоскь); во 2 хъ) можно будетъ указать,
что и группы съ *л*, хотя въ гораздо меньшей мѣрѣ, под-
чинены тому же: Ср. выше *dilan* и пр., къ чему при-
бавимъ: *melauka* (молока род.), Schl. 89, и *sali* (соло-
вей, т. е. по Шлейхеру *salū*, съ конечнымъ *ū* изъ *о*,
основн. фор. *sław*), мн. ч. *saliwa* (*a = ŷ*), *ib.* 225, при
которомъ однако *sloweikia* (*ib.* 36 = *sławika*?). Почему
въ формахъ съ основнымъ *р* (= *ре*) лишь изрѣдка

*) Ср. и перестановку *p* черезъ согласную въ *гарванъ*
(= *гавранъ*) и Н. Л. *karwona*, *karona* (= *kawrona*), Мазов. *rsioda*
(= *sroda*).

вставная гласная передъ *p* (*pared*, но *prid* и пр. см. выше), на это отвѣтомъ могло бы служить предположеніе, что палатизація *p* вліяніемъ слѣдующей за нимъ замѣны звука *ь* облегчаетъ произношеніе группы *согл+р* и дѣлаетъ въ значительной степени излишнюю вставку гласной передъ *p*. Затѣмъ все-таки осталось бы вопросомъ, почему во многихъ словахъ съ обще-славянскимъ сочетаніемъ *согл+р+гласн. твердая* (Полабск. *brot*, *grod*, = *grando*, *prai* = при и пр.), сочетаніе это остается неизмѣннымъ?

Относительно того, возникло ли Полабско-Лужицко-Польское *ю*, *го* (= Русск. *оло*, *оро*) изъ формы = Чеш. *la*, *га*, какъ я думалъ прежде (Два изслѣдов. 48), или же Чешская и Польско-Луж. формы возникли независимо другъ отъ друга (первая изъ *ала*, *ара*, вторая изъ *оро*, *оло*), я склоняюсь теперь къ послѣднему мнѣнію. При этомъ слѣдуетъ считать Польскія формы, какъ *řřaz* — *полозь*, заимствованными, каково В. Луж. *kral*?

13. Что *рѣ*, *лѣ*, возникли изъ *ере*, *еле* вслѣдствіе стяженія двухъ *e* въ *ь*, это г. Гейтлеръ (Fonol, § 66) доказываетъ такимъ образомъ:

1) Слав. *ь* возникло или изъ *ai*, еще сохраненнаго въ Литовскомъ языкѣ (*žwaigždė* = звѣзда, § 64), или основнаго долгаго *ā*, изъ котораго и въ Литовскомъ произошло *ė*: *sėsti* = сѣсти (§ 65).

2) Но въ словахъ съ *рѣ*, *лѣ* (= Русск. *ере*, *еле*) звуку *ь* соответствуетъ основное *ā* краткое: Скр. *īarbhac*, Греческ. *ῥῥῥος*, кромѣ суф. = *жрѣбѣ*; Скр. *kārparam* = *чрѣпѣ*; Скр. *bhariman* = *брѣмѣ*, *вариман* (*weite, umfang*) = *врѣмѣ* (извѣстно, говоритъ г. Гейтлеръ, что изъ понятія пространства развивается понятіе времени); *ере*, которое Гейтлеръ *предполагаетъ*, *) на этотъ разъ и

*) безъ нужды, такъ какъ извѣстны Русскія формы *беремя*, *вермя*.

Русскій языкъ стянулъ въ *бремя*, *время*. О краткости этого основнаго звука *а* свидѣтельствуеъ и Рус. «*жерло*», изъ котораго развилось *жерело*» и Литовск. *e* въ *gerklė*, а равно и Литовское *kėrdžus*—пастухъ (отъ+ *kerda*) при *чрьда*, Литовск. *pėlnas* (*lucrum*)—*плннз* (*spolia, praeda*), Рус. *полона* изъ *пеленз*; Лит. *skėrs ai* (пар. поперекъ)—*чрьсз*, Литовск. *teterwas*—тетеревъ; Литовское *ā* кратко въ *šalmā* (и *šelmenis*)—*сльма*; *šalnā* (иней)=*срънз* (*albus*).

«Совершенно непостижимо было бы *ъ* въ *брьза* при краткой гласной Литовскаго *bėržas*, *) если бы Русск. *береза* непоказало намъ, какимъ образомъ развилось это *ъ*; первое *е* Русскаго слова, вѣроятно, дославянскаго происхожденія».

Словъ съ *ръ*, неимѣющихъ въ Русскомъ яз. полногласія и по формѣ общеславянскихъ, г. Гейтлеръ неотдѣляетъ отъ вышеприведенныхъ и приводитъ ихъ въ перемежку съ этими послѣдними, въ доказательство того же, т. е., происхожденія *ръ*, *ль* непосредственно изъ *ере*, *еле*, посредственно изъ *р* съ предыдущею краткою: *брьзгъ*, Готск. *bairhts*, Скр. *chariac* (*splendor*); «*пръмз* (*rectus*) Миклошичъ сравниваетъ съ Греч. *πρόμος* (см. также Curt. Grundz.² 266.), Литовск. *pirmas*; Рус. *прямз* на этотъ разъ согласно со Ст. бол.; *тръбз*, Готск. *thārbs* (*necessarius*); *тръскати* (*strepitum edere*), Лит. *tarszkėti*; *дръмати*, Лат. *dormire*; *бльскз* возникло изъ *белескз* (ср. *бльскъ* и *брѣзгъ*) (§ 66).

3) «Есть и много другихъ слѣдовъ въ самомъ Ст. Болгарскомъ, прямо ведущихъ къ возникновенію *ъ* изъ краткой гласной: *Мрж*, а это (какъ вообще по мнѣнію г. Гейтлера (§ 14) *ъ* изъ *е*)—изъ *мерж*. Корень есть *мер*, сохранившійся вполнѣ, хотя подъ личиною, въ неопредѣленномъ *мръ-ти* изъ *мерети*. Чѣмъ же можно

*) которая однако, замѣтимъ, въ дѣйствительности долга, хотя бы и въ слѣдствіе ударенія.

оправдать (кажущуюся) разность темы неопредѣленного и настоящаго? При томъ краткость коренной гласной темы неопредѣленного есть требованіе сравнительнаго метода; Литовск. языкъ, свидѣтельство котораго здѣсь важнѣе всего, представляетъ намъ неопредѣленно *mirtĩ* (изъ *merti*). Такимъ образомъ намъ неужно искусственно создавать ни одной ступени въ развитіи неопредѣленного *мръти*: 1) *merti* (Литовск. древнѣйш.); 2) *мерети*, 3) *мръти*. Бывшее нѣкогда *е* въ *мръти* относится къ *мърж*, какъ *клѣти* (кленти) ко *кльнж*, *рекж* къ *рыци*; нѣкогда безъ сомнѣнія стояло *мерти* при *мерж*, какъ *неси* при *несж*.... «При неопредѣл. *мръти* и аор. *мръ* является также и *мъръти*, *мъръ* (Остр., Supr)». Конечно, это противорѣчило бы мнѣнію о возникновеніи *ъ* изъ стяженія двухъ *е* стоявшихъ по обѣ стороны гласной, ибо здѣсь имѣемъ двѣ гласныя, стало быть отсутствіе стяженія, и тѣмъ не менѣе на второмъ мѣстѣ *ъ*. Противъ этого употреблено г. Гейтлеромъ то средство, что возникновеніе формъ *мъръти* и *мъръ* объяснено подчиненіемъ ихъ аналогіи съ глаголами на *ъ-ти* (*ib*), что, замѣтимъ, совершенно ошибочно. Теперь нѣтъ нужды отдѣльно доказывать, что *стръти* относится къ *стърж*, какъ *мъръти* къ *мърж* и что *ъ* въ *стръти* возникло не въ слѣдствіе какого-то «усиленія коренной гласной», а стяженіемъ изъ «*ере*». Точно также *търж*, *пръти* (*fulcire*)—изъ *перети*, и изъ старшей ступени, которая въ Литовскомъ *spirtĩ* (изъ *sperti*). Точно такъ и *пърж*—*пръти* (*contendere*, Рус. переть), *търж*—*тръти*, *жърж*—*жръти* (*immolare*)=Литовск. *girtĩ* (изъ *gerti*, *laudare*), свидѣтельствуютъ о краткости коренной гласной; равно и *жръти* (*deglutire*) при Лит. *gérti* (*bibere*), при чемъ «нѣтъ разницы между *жръти* и *гérti*»; *врѣж*—*връти* (*concludere*)=Литовск. *wérti* (отвѣчать, затвѣрять, вдѣвать нитку); *върѣж*—*връти* (*bullire*=Литовск. *wirtĩ* изъ *werti*; *нърж*—*нръти* (*immergere*), Литовск. *nérti* (при чемъ долгое *é* въ Литовскомъ, которое мы видимъ и въ *gérti*, а еще выше и въ *bérzas*, объяснено тѣмъ, что оно есть слѣдствіе ударенія); *ме-*

лж—мѣти изъ мѣсти, мѣти, Литовск. málti; по мѣльхъ, какъ мѣрѣти, т. е. по аналогіи съ гл. ѣ-ти (§ 67).

4) «Чередуются также и формы съ ж и ѣ: при жѣрѣти находимъ и жѣрѣти (или жѣрѣти); то и другое различается лишь несущественно. Основная форма есть жѣрѣти, откуда съ одной стороны жѣрѣти, жѣрѣти, а съ другой жѣрѣти, жѣрѣти ѣ. жѣрѣти, откуда жѣрѣти или жѣрѣти. Нѣкоторыя формы полюбили ж, другія ѣ (напр. отъ стрѣти—прич. стрѣти, безъ видимой причины «въслѣдствіе извѣстнаго своеволія языка»; чѣрѣти, seco=Литовск. kerlù, а чѣрѣти=Литовск. kirsti изъ kersti). Такимъ образомъ не только приведены въ согласіе тема неопр. чѣрѣти съ темою наст. врем. чѣрѣти, но и разнаца между Литовск. неопредѣлен. wilkti, milžti, kirsti, nérti и Ст.-Болг. вѣити, мѣсти, чѣрѣти, чѣрѣти, на первый взглядъ большая, оказалась мнимою». (§ 68).

5) «Нельзя намъ здѣсь перейти молчаніемъ поразительнаго сходства въ развитіи такъ называемой славянской перестановки плавныхъ согласныхъ съ возниканіемъ ѣ изъ краткаго е. Сравнивая формы какъ сѣмѣрѣти—сѣмѣрѣти, пѣлѣти—пѣлѣти, пѣлѣти, Литовск. mirti—мерѣти—мѣрѣти, мы видимъ, что также гласная, которая стояла передъ р, л, развилась и послѣ нихъ, въ силу несправедливости Славянскаго языка къ сочетаніямъ рт, лн и пр.; что весь этотъ процессъ мы могли бы назвать «ассимиляціей послѣ р, л»; что ѣ въ сѣмѣрѣти, ѣ въ пѣлѣти возникло по тѣмъ же причинамъ, какъ ѣ въ мѣрѣти. Можно также ѣ, возникшее изъ ере, еле, назвать вознагражденіемъ за долгое ě, которое необходимо должно было бы возникнуть изъ стяженія двухъ е, но котораго Ст.-Болг. языкъ не знаетъ, такъ какъ имѣетъ лишь краткое е. *) Гласн. ѣ болѣе всего годилась быть

*) Мы замѣтимъ объ этомъ утвержденіи тоже, что выше (въ этой главѣ § 6) объ утвержденіи, выдаваемомъ г. Гейтлеромъ за аксіому, что въ Славянскомъ не было долгаго о.

возмѣщеніемъ за долгое *ē* п. ч. по звуку (*ēā*) не многимъ отличалась отъ долгаго *e*, а въ Новословин. дѣйствительно перешла въ *ē*. (§ 70).

6) *ъ* въ слав. *чрьда* лишь по видимому равняется готскому *ai* въ *hairda* (*grex*) изъ *kairda*; готская двогласная возникла независимо отъ славянскаго *ъ*, на почвѣ Готскаго языка, по извѣстному закону, изъ *i* передъ *г*: *hairda* изъ *hirda*, *herda*, при чемъ послѣдняя древнѣйшая ступень сохранилась въ Литовск. *kėrdžus*; подобное отношеніе между *брьгъ* и Гот. *baīrgan* (Нѣм. *bergen*), *врьдъ* (*Mikl. Lex.*) и *vairths* изъ *verths* (§ 66).

7) Что *рь*, *ль* возникли изъ *ере*, *еле* (въ коихъ 2-е *e* неограническое, появившееся въ силу перваго *e* изъ *ер*, *ел*, вслѣдствіе *нелюби* Слав. яз. къ сочетаніямъ *р*, *л* со слѣд. согласною, это видно изъ Ст.-слав. *нелесъ* (*pullus*, Русск. *перепелесый*, *полоса*) изъ *нелс* при Латышск. *pālszas* (*sic*). *) «Если же мы незахотѣли бы удовольствоваться словомъ *нелесъ* (оно извѣстно лишь по позднѣйшимъ памятникамъ), то неопровержимо убѣдимся въ возникновеніи такого *e* (т. е. 2-го, неограническаго) сравненіемъ Литовск. *ėlnis* съ *елень*, гдѣ ненавидимое сочетаніе *eln* такъ измѣнилось въ *елен*, какъ *жерб* въ Русск. *жереб*». «Ясный примѣръ стяженія *ере* въ *рь* имѣемъ въ Греческ. *τέρμων*—Русск. *теремъ*, Ст.-Болг. *трѣмъ*; *чрьшна*—Русск. *черешня*, Греческ. *χέρσος*. «Важность *четвереногъ* при *четеръногъ*—въ томъ, что *ере* здѣсь рѣшительно старше *рь* и что сочетаніе *ере* на сей разъ не возникло изъ *ер* передъ согласною посредствомъ вставки втораго *e*, такъ что наше слово «кратко и прямо свидѣтельствуетъ о переходѣ *ере* въ *рь*». Тоже случилось и въ *пръ* при Санск. *пари*: посредствомъ ослабленія *и* въ *e* возникло *пере*, а со стяженіемъ — *пръ* (§ 66).

*) Но Лит. *pālszas* есть заимствованное Нѣм. *falsch*, а Слав. *нелесъ* = Лит. *pālszas*, съ долгимъ *a*.

14. Мои замѣчанія объ этомъ слѣдующія.

Мы видѣли, что г. Гейтлеръ дѣлаетъ двойное сравненіе формъ съ *рѣ*, *лѣ* = Русск. *ере*, *еле*. Во-первыхъ онъ указываетъ на тождество ихъ съ такими Санскритскими и Литовскими, въ которыхъ передъ плавнымъ стоитъ *й*; во-вторыхъ, съ такими Литовскими, въ коихъ передъ *г*, *і* стоитъ *е* v. *і*. Оба сближенія были дѣланы и прежде (напр. Лавровск. О полногл. 48—9), и вопросъ лишь въ томъ, какъ ихъ понимать.

Противъ перваго, понятаго въ томъ смыслѣ, что *рѣ* = *ере* и пр. конечнымъ образомъ восходятъ къ формамъ *ар*, *ал*, у меня вообще нѣтъ возраженій. Замѣчу только, что *брѣма*, *врѣма* могутъ предполагать только формы съ *р* передъ согласною, а отнюдь не формы со вставнымъ *и* передъ суф., какъ *вар-и-ман*, *бѣар-и-ман*.

Второе сближеніе можно понимать двойко, и во-первыхъ такъ, что вообще существуетъ совпаденіе между ослабленіями основнаго *аг*, *ал* въ Литовскомъ и Славянскомъ, но самая форма ослабленія возникла въ обоихъ языкахъ самостоятельно. Такъ выше мы въ общемъ признавали сходство между *wilkas* и *взлѣкѣ*, утверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни Литов. *il*, ни предполагаемое на его мѣстѣ *г*. Гейтлеромъ *el* неопредѣляютъ, въ какую сторону направится ослабленіе основнаго *аг* въ Славянскомъ. По такому способу пониманія Литовск. *melž* — нисколько непоказываетъ, будетъ ли въ Слав. *млз-*, или *мелез-*, *млѣз-*. Во-вторыхъ можно думать, что Литовскія ослабленія *el*, *eg* исторически связаны со Славянскими и прямо предполагаются ими. Я позволю себѣ высказать нѣкоторые сомнѣнія въ вѣрности положенія г. Гейтлера, что первое *е* въ *ере*, *еле* — дославянскаго, Славянолитовскаго происхожденія.

Спрашивается, есть ли такое утвержденіе правильный выводъ изъ обоихъ языковъ, фактъ способный на править теорію, или онъ только требуется извѣстной теоріей и ей обязанъ существованіемъ?

Что до качественнаго отношенія Славянскаго *е* къ Литовскому, то уже выше по поводу начальнаго Русскаго

о=Ст.-Слав. *іе* я старался показать, что есть случаи, когда сходство между Литовскимъ *е*, *ё* и Славянскимъ *е*, *іе* возникло въ обоихъ языкахъ независимо, такъ какъ само Литовск. *е* возникло въ этихъ случаяхъ на литовской почвѣ, ибо имѣетъ при себѣ болѣе древнія формы съ *а*. Тоже относится къ нѣкоторымъ *е* внутри словъ.

Можно бы думать, что второе *е* въ Литовск. *ežgas* исторически связано со вторымъ *е* въ *іезеро*; однако это оказывается сомнительнымъ въ виду Латышскаго *a* въ *ežars*. Тоже можно замѣтить и относительно гласной при *р* между двумя другими согласными. Гейтлеръ выводитъ формы *дерево* и *дрѣво* съ одной стороны и *дрѣво*, *дырѣво*, *дрѣво*, *дырѣво*, *дрѣво* съ другой отъ древнѣйшей формы съ *е*, которую находитъ въ Литовскомъ *derwā*—лучина (§68); однако въ самомъ Литовскомъ есть и *darwā*.

Въ словахъ *власти*—*владѣти*=*володѣти* Славянскій языкъ вовсе не знаетъ формы съ *лѣ*—*еле*; поэтому соответствующая послѣдней, по предположенію, ослабленная форма съ *е* (Литовск. *wėldu*, *wėld-ėti*) относительно глагольнаго характера болѣе близкая къ *володѣти*, чѣмъ Литовск. *waldau-dyti*, и, кажется, не встрѣчаемая даже въ Латышск., должна считаться спеціально Литовскою.

Подобнымъ образомъ *длань*—*долонь*, Литов. *delna*.

Быть можетъ *клати*—*колоть* ближайшимъ образомъ должно быть сравниваемо не съ Литовск. *kálti*, ковать, а со *skelti*, колоть, при чемъ въ славянскомъ словѣ начальное *с* потеряно, какъ во многихъ случаяхъ (*skrzydło*—*крыло* и пр.).

Воробей (= *іи*)—*вѣрабій*, *wróbel*—Лит. *žwirblis*, Латышск. *zwirbulis* (Mikl. Lex.).

Сѣв. Вр. *скоросый*, сердитый, Лит. *kersziti* и *karsziti*, гнѣваться, грозить, мстить, *kersztas*, гнѣвъ, месть, *karszinti*, побуждать ко гнѣву. Лит. *er-* здѣсь неимѣетъ соответствія въ Славянскомъ.

Ср. Литовское *е* въ другихъ случаяхъ, не при *р*:

Литовск. gės-tu, gėsti; Латыш. dzēstu, dzist, гаснуть; Лит. gessau-, syti, Лат. dzissēt, гасить, при болѣе древнемъ *a* въ Слав. *гас-*; Слав. *o* предполагаетъ Литов. *a*, а потому Литов. *ė* въ *tėkinti*, по знач.=точить (ножъ и проч.), образовано независимо отъ Славянскаго.

На оборотъ, въ нѣсколькихъ словахъ въ Славянскомъ находимъ только ослабленную форму съ *ъ*, между тѣмъ какъ въ Литовскомъ основная (*ā*) или усиленная (*ą*): *мерега*, рѣдкое вязанье и шитье (Оренб.), *мережа*, сѣть, -ка, родъ вышиванья, и отсюда—пестрота, рябь на ткани и пр., Ст.-Сл. *мръжа* (*ъ* предполагается и Сербск. Хорут., а равно и Чешск. mříže), Литовск. mąrszka, родъ сѣти, marszkinnei, им. мн. бѣлье, платье, сорочка, marszkonas, льняной. Что касается до Литов. margas—пестрый, то оно врядъ ли можетъ быть связано съ *мережить*, пестрить, такъ какъ последнее есть производное отъ *мережа*, а производности Литов. margas отъ слова со значеніемъ сѣти, плетенья, невидно. Это margas могло бы быть сближено съ Скр. прѣни (Curt. № 359), такъ чтобы корень предполагался не *паръ*, а *спаръ*—*паръ* (Ср. spergo)=*маръ*. И въ *мръжа*—marszka *м*=скр. *и* въ *парч*, фнакти (См. Curt. № 103), при которомъ въ Санскр. *пәрдж* (основ. форма *паръ*). Чередованіе *и* и *м*, *п*, *в* и *м* не принадлежатъ къ рѣдкимъ явленіямъ.

Срънъ (предполагаемое въ значеніи иней, гололедицы на основаніи Русскаго *серенъ*, Поль. srzon, Чен. sřin, sřin и пр.)—при Литов. szarmā, Латыш. sa'rma, иней, между тѣмъ какъ Ст.-Слав. *срънъ*, Русск. *серенъ*, бѣлый, сивый=Литовск. szirmas, Жмуд. szirwas, а Ст.-слав. *слани* иней=Лит. szalna, Латыш. salma.

Пръ, пере=Лит. pēr, но Жмудск. par (Schl. Lit. Gr. 32), Латыш. par.

15. На основаніи Русскихъ и Литовскихъ формъ г. Гейтлеръ заключаетъ, что Славянская форма словъ

жсеребя—*жръба* есть *garb* съ дославянскимъ *e*. Мнѣ кажется, что это еще вопросъ, притомъ связанный съ другимъ: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не всѣ Слав. нарѣчія имѣютъ *лѣ*=*еле* и *рѣ*=*ере*, а одни *лѣ*, другія *ла*, то при Русскомъ *оло*, *ело* и *рѣ* при Русскомъ *оро*, слѣдуетъ ли вездѣ предполагать форму съ *лѣ*=*еле*, *рѣ*=*ере*, или есть возможность думать и иначе? Если форма *длато* не предполагаетъ формы *длѣто*, ни форма *долото* формы *делето*; если полногласная форма ближайшимъ образомъ предшествующая формѣ съ *ѣ* не есть общеславянская, а лишь свойственная нѣкоторымъ нарѣчіямъ; если общеславянскою въ этихъ случаяхъ окажется форма съ *a* передъ плавною; то будетъ вѣроятно, что во многихъ случаяхъ ослабленіе коренной гласной *a* произошло лишь на Славянской почвѣ и что напр. совпаденіе гласныхъ въ Греч. βρέφος и *жсеребя*, въ Лит. рег и *пере* лишь случайно, какъ и сходство въ окончаніи 2-го л. мн. ч.—*ете*=*ете*.

Во всякомъ случаѣ полезно ближе присмотрѣться къ распредѣленію по нарѣчіямъ формъ съ *ра*—*ро*—*оро*, *ла*—*ло*—*оло* съ одной и формъ *рѣ*—*ере*, *лѣ*—*еле* съ другой стороны и ко взаимному отношенію этихъ *еле* и *оло*, *лѣ* и *ла*.

П. Лавровскій (о Русск. полногласіи 25) полагалъ, что «только замѣною *ѣ* посредствомъ *a* и должно объяснить Русское *оло* вмѣсто *лѣ*» (молоко—млѣко), что «еще въ доисторическую пору большая часть кореней такихъ словъ измѣнила *лѣ* въ *ла* и уже отсюда образовала полногласное *оло*» (ib. 26). Это мнѣніе, котораго и я держался въ своей статьѣ о полногласіи, теперь, при предположеніи большей древности полногласія, чѣмъ сочетанія *рѣ*—*лѣ*, принядо бы такой видъ, что въ случаяхъ, гдѣ слова совершенно одинаковаго образованія и значенія имѣютъ по нарѣчіямъ *лѣ*—*еле* и *ла*—*ло*—*оло*, *оло* возникло изъ *еле*. Таково дѣйствительно утвержденіе Гейтлера: «иногда Русскіе слоги *оро*, *оло* возникли изъ болѣе древнихъ *ере*, *еле* посредствомъ измѣненія *e* въ *o*, какъ въ *тонкій*, при Чешск. *tenký*, *тънькъ* изъ

тенькъ, при чемъ Литовск. *tėnvas* свидѣтельствуесть о болѣе древности гласной *e*. Такъ *полѣнъ* при Ст.-Болг. *плѣнъ* изъ *пеленъ* и Литовскомъ *pėlnas* (*lucum*); *молоко* при *млько* изъ *мелеко*. *Ж* въ *жолобъ* само по себѣ достаточно свидѣтельствуесть, что слово это возникло изъ *желебъ* (желобъ), такъ какъ *жс* изъ *г* можетъ возникнуть только передъ мягкою гласною. Ср. *жльбъ* изъ *желебъ*, между тѣмъ какъ Чешск. *žlab* тяготеетъ къ *жолобъ*, и къ еще болѣе древнему *желебъ*, *желб* (Fonol. 57. § 82).

Строго говоря, начальная шипящая въ *жолобъ* и *жльбъ*, а равно и тамъ, гдѣ въ Русск. *ере* (*жрьба*, *чрьнъ*, *чрьсъ* и др.), свидѣтельствуесть только о томъ, что до возникновенія формы *жльбъ* и др. между начальною гортанною и слѣдующею плавною стояла гласная при помощи которой возникла *j* при гортанной, откуда *жс*, *ч*, *ш*. Если бы этого небыло и гортанная съ самаго начала примыкала къ плавной, то она не могла бы превратиться въ шипящую отъ вліянія *ъ*, ибо имѣемъ же *гръхъ*, а не *жръхъ* и пр.. Это одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ того, что уже на Славянской почвѣ формамъ, какъ *жльбъ*, предшествовали формы съ гласною передъ плавною. Но *жс* въ *жолобъ*—*жльбъ* и пр. само по себѣ несвидѣтельствуесть, что этою гласною послѣ гортанной было именно то самое *e*, которое мы застаемъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ историческую пору. Покамѣстъ мнѣ некажется невѣроятнымъ, что при гортанной передъ основнымъ *a* могло возникнуть неорганическое *j*, повліявшее на эту гортанную, но не измѣнившее *a* въ *e*, какъ напр. въ *жаба* (отъ *gabh*), или въ частицѣ *-ча* при *-ка*.

Если спросимъ себя, какъ *еле* напр. въ предполагаемомъ *мелеко*, могло перейти въ *молоко*, то удовлетворительную аналогію для этого перехода будетъ очень трудно найти. Скорѣе можно бы допустить, что, хотя не вообще, но въ отдѣльныхъ случаяхъ, на оборотъ, *еле*—*ере* могло образоваться изъ *оло*—*оро*, напр. Бѣлор. *пелескаць*=*полоскать*. Случая этого я необобщаю, такъ

какъ съ другой стороны вѣроятно, что параллельность формъ какъ *пелева* (*пелы*, мякина) и *полова* восходитъ къ доисторическому времени и единство ихъ находится въ третьей потерянной формѣ. Та аналогія, на которую указываетъ Гейтлеръ положительно негодится. М.р. *тонкій* неизмѣняемостью своего *о* въ *и*, *і*, *у* и пр. указываетъ на основную общерусскую форму *тънзкъ*, которую дѣйствительно находимъ въ весьма древнихъ памятникахъ (См. Вост. Словарь и др.), между тѣмъ какъ Польск. *ścienki*, В. Л. *śenki*, Н. Л. *śanki* указываютъ на *тънзкъ* (Ст.-Слав.). Сербск. *танак* могло одинаково возникнуть и изъ той и изъ другой. Русск. *тънзкъ* не могло возникнуть изъ *тънзкъ*, а скорѣе всего обѣ формы предполагаютъ болѣе древнюю и общую съ чистыми гласными. Этой аналогіи нельзя искать и въ позднѣйшемъ Русскомъ *ё* и *о* послѣ шипящихъ изъ *е*, такъ какъ здѣсь необходима йотація *е*, или, точнѣе, небность предъидущей согласной, чего очевидно нѣтъ ни въ *молоко*, ни въ Польск. *młokos* и т. п. въ коихъ согласныя въ Русск., Польск. и Луж. рѣшительно тверды. *) Предположить же для этихъ нарѣчій большую древность того произношенія *молѣко* и т. п., какое мы слышимъ у разныхъ иностранцевъ, а тѣмъ паче большую древность неслыханнаго произношенія *мѣлѣко* насъ ничто не уполномачиваетъ. Точно такъ и *о* изъ *е=ъ* въ Польск. *brzoza* при *brzeżina* предполагаетъ йотацію *е*, оставившую послѣ себя *rz*, и въ этомъ отношеніи сходно съ Вр. *ё* въ *берѣза* (гдѣ однако кромѣ этого дѣйствуетъ и удареніе) и вовсе несходно съ *lo* въ *młokos*. Что до предположенія *о* изъ *е* въ *олень* и пр., то оно, какъ мы видѣли, само сильно нуждается въ доказательствахъ,

*) Случаи, какъ В. Л. *skerje* (скорѣе), *dele* (внизъ, долой), *delnożużiski* (должно-), *derje* (добрѣ), *krępka* (кропка, капля), *topić* (топить печь) и пр. говорятъ въ пользу явленія обратнаго искомому, то есть въ пользу *е* изъ *о*, но въ прочемъ имѣютъ слишкомъ частный, специально-Лужицкій характеръ.

при чемъ во всякомъ случаѣ такое начальное *о* отлично по обстановкѣ отъ двухъ *о* изъ двухъ *е* внутри пол-
ногласныхъ словъ. Черетованіе же *е* и *о* въ случаяхъ
какъ *собѣ* и *себѣ* (Geitl. Fon. § 8) опять таки, какъ и
ѣ—ѣ въ *тѣнѣхъ* и *тѣнѣхъ*, можетъ быть понимаемо не
какъ возникновеніе *о* изъ *е*, а какъ возникновеніе обо-
ихъ изъ третьяго болѣе древняго звука.

Гейтлеру кажется легкимъ объяснить изъ предпо-
лагаемаго *велкж* (=Лит. *velkū*) съ одной стороны *вль-*
ж черезъ *вележъ*, а съ другой *вльк*—черезъ *вьлк-*,
вьльк—(*свѣлькж* и пр.) (Fonolog. § 68). Но если при-
знаемъ, что Ст. Русск. формы съ *жл-* не предполагаютъ
формъ съ *лж*, ни формъ съ *влж*, и что *ж* никомы обра-
зомъ не можетъ быть выведено изъ основнаго Славяно-
Литов. *е*, то увидимъ, что формы съ *жл-* при Ст.-Слав.
съ *лж-* сойдутся съ послѣдними не въ предполагаемомъ
ел, а развѣ въ *ал*. Такъ въ слѣдующихъ примѣрахъ,
въ коихъ въ одномъ и томъ же спряженіи, иногда въ
той же формѣ находимъ и *лж*, и *жл*, и Русское *оло*:

Ст. Слав. *влжити*, *вльжж*, Хорут. *vlēcī*, *vlēcēm*,
Чеш. *vlēcī v. vlēcī*, *vlěku*, *vlěcu*, Польск. *włec*, *włokę*,
Н. Л. *lasc*, *laku*, *lakj*; но Серб. только *вуѣи*, *вучем* (осн.
форма *вълж-*), Русск. *волочи* (волочь, Вост. М.р. во-
локты, волочешъ, волік, волоклѣ) и Ст. Рус. *обълчи*:
«самъ же въ худія пѣры *обължся*, тако хожаше»,
Жит. Θεод. XII в. (Чт. 1858, III, 6.); «изволжъ пожъ
свой и ятъ..... Глѣба за.... главу (Жит. Бор. и Глѣб., Чт.
1859, I, 11) *)».

тлжити (и *тължити*), *тлжж*, Хорут. *tlēcī*
и *tolēcī*, *tolēcēm*, Хорв. *tlēcī-telēcēm*; въ Серб., Чешск.,

*) Такъ какъ Гейтлеръ считаетъ фор. *младъ*, *златъ*, по-
падающіяся и въ Вр. нар. пѣсняхъ, за стяженія, возникшія на
Русской почвѣ (Fon. стр. 57), то онъ могъ бы причислить и
здѣсь къ Русскимъ формамъ—*влечь*, какъ явное доказательство
того, что *волочь* изъ *велечи*; но у насъ съ давнихъ поръ съ
полнымъ основаніемъ принято считать такія формы заимствован-
ными изъ Ст.-Слав. книжнымъ путемъ.

Польск., Лужицк. только формы съ основнымъ *z* при *л*. Сербск. тући, Чешск. tlouci — tluku, Польск. tłuc, tłuke, В. Л. towku. Въ Н. Л. вѣроятно было бы tłuc (tluk:ś). Вр. *толоць* (толочи) и *толчи*, *толку*; М.р. *тоскѣти* предполагающее *толчи*. Изъ Литовскаго Миклошичъ (Lex.) сравниваетъ tilku, которому Нессельманъ приписываетъ значение «zahn werden»: «aptilkęs žmogus», einer der sich die hörner abgelaufen hat. Съ *тлѣк* несомнѣнно сродно Лит. talka, sutelkti, толоку (помочь) спрашивать, susitelkti собираться на толоку; по самое talka толѣка въ значеніи общественной помощи (откуда гл. telkti *можетъ* быть образованъ, не смотря на свою наружную первообразность), *можетъ* быть словомъ заимствованнымъ изъ Русскаго. Если въ духъ Гейтлера предположить основную форму *телѣк*-, то она не объяснить ни *тлѣк*-, ни *толок*- (*тлѣк*).

Млѣсти, *млѣж*, Хорут. mlēsti и molsti, Сербск. только мустѣ, музем (=мѣз-), Лит. milszti, milžu — melžu. Русск. форма неизвѣстна, но на основаніи *молозиво* и, впрочемъ болѣе отдаленнаго, *млѣсать*, сосать (напр. кость)=Чешск. ml̥sati облизывать, лакомиться, ml̥sna, ml̥znice лакомка (и въ Скр. при кор. *мардж* стоитъ *марѣ*), можно ожидать Русск. *млѣсти* в. *млѣлости*. По Гейтлеру звукъ *e* здѣсь дославянскій: *млѣз*-перешло съ одной стороны въ *мѣлѣз*-, *мѣлѣж*-, *млѣз*-, а частью въ *мелѣз*-, Русск. *молозиво* (Fonol. § 68). Но мы неимѣемъ ни одной аналогіи для предположенія Русск. формы *мѣлѣз*; Русская же *мѣлѣз* не предполагаетъ *мелѣз*-. Ни Лит. melžu, ни *мѣлѣж* недоказываютъ, что е—дославянское. Русск. *молозиво* (Ст.-Слав. млѣзиво, Хорут. mleziwo, Чешск. mleziwo) на Русской почвѣ извѣстно въ весьма древнихъ памятникахъ: «а молозива, рече, лихо не годно бы ясти его, яко съ кровью есть; да быша съ три дни теляти давали, а потомъ чистое сами ѣли» (Впраш. Кюр. Калайд. Пам. Русск. Сл. XII в. 191). Форма предполагаемая формами *молоз*-и *млѣз*-*можетъ* быть съ *a* передъ *л*. Точно тоже можно думать и объ отношеніи *молоко* и Польск. młoko (изъ młо-

koss), молоко́сость, къ *млько* и формамъ всѣхъ остальныхъ Слав. нарѣчій, въ томъ числѣ Польск. *mléko* и Луж. *mloko* (изъ *mléko*). Мнѣніе Гейтлера—что и здѣсь *оло* изъ *еле*, что Русск. форма лишь незначительно отличается отъ предполагаемой *мелеко* и что будто этою послѣднею освѣщается неясное до сихъ поръ отношеніе гласныхъ въ Гот. *miluks* (по Гейтлеру изъ *meloks*) къ *млько* изъ *мелеко* (§ 66 стр. 47); но общему между *мльк* и *молок*, *mlók* могла бы быть, по другому мнѣнію, лишь форма въ родѣ Литовск. *malikas*, глотокъ жидкости, хлебокъ, слѣва, которое и по происхожденію быть можетъ относится туда же. Ср. относительно значенія Сербск. *млаз*, струя молока за *рѣзг* извлекаемая изъ соска.

Въ Русскомъ къ формамъ *молоз* v. *молос* слѣдуетъ отнести и Вр. *молостѣвъ*, горшокъ или корчага обвитая берестой, дойница, молочный горшокъ, горшокъ для мѣшанья русск. масла; *молостѣвка*, *молостикъ*, горшокъ для молока=Польск. *młost*: «*dopadłszy warzęchu i młostu nawali w brzuch smietany*» (Linde). Суффиксъ *-тъ* и *-тѣ* (Ср. верс-та и верс-тѣ).

Мль-ти, *мельж*, Хорут. *mleti*, *meljem*, Серб. *мье-ти*, *мельем*, Чешск. *mliti*, *mlél*, *meli*, В. Луж. *mleś* и, по аналогіи съ этимъ, *mli-ju*, Н. Луж. *młaś*, *mle-jom* и *melom*, *m'elach* и *mlejach*, *mlaty*, *młase* (молотье); Поль. *mleś*, *miele*, но *mioł(ł)*, *miołła* (мъл-), *młty* (основн. форма мъл), *młcie*; Русск. *молоть* (-ти), *молоть*, *мблотый*, *мелю*. Литов. *mālū*, *mālti* и Латыш. *mal'ci*, *malt* рѣшительно противорѣчатъ тому, что Славянская форма съ *e* есть дославянская. Лит. *mėlnycia*, *melninkas*—изъ Русск. *мельница*, *мельникъ*. За тѣмъ ослабленіе основной гласной является лишь въ *miltai* (мн. ч.) *мука*; всѣ же остальные слова этого происхожденія имѣютъ въ корнѣ *ā* и *ā̃*. Послѣднему соответствуетъ *z* въ предполагаемомъ *мъл-гынъ*, на основаніи Польск., В. Луж. *młyn*, Русск. *млынъ*, Лит. *mal-ūnas*, между тѣмъ какъ Ст.-Сл. *млинъ*, *placenta* (и Хорут., Болг. см. *Mikl. Lex.*)=Русск. *млинъ* и *блинъ*. Заимствованіе этого по-

слѣднаго съ Нѣм. *blinze* (Mikl. ib.) мало вѣроятно. Въ Русскомъ съ *еле=ль* только *меле-ни*, рукоять жернова=Польск. *mlon*, Литовское *mal-inis*, id. образовано совсѣмъ иначе. Въ Вр. *мел-енка* 2-е *e* изъ *ь* (мельница), а *мел-ево* не есть форма=Сербск. *мъево*, а произошла изъ *мел-иво*, какъ *круж-ево*, *иво*, обл. *молоз-ево*, *-иво*.

Плѣти, *плѣж*, Хорут. *plēti plējem* и *plēvem*, Серб. плѣти пліжевом, Чешск. *pleti pleju*, В. Л. *plec pleju*, Н. Л. *pláš—pleš*, *pleju*; Польск. *plec*, *piele* и *plewie*, *pielony*, но *pioł*, *reſty*; Русск. полоть, Стар. *полову* («исполовемъ» Галицк. Ев. 1142 г., Буслаев. Хр. 45), совр. Вр. и Мр. *полю*. *Пльвелъ*, *пльва*, Хорут. *plevel*, *plēva*, Чешск. *plevel*, *pleva*, Сербск. *пльва*, Н. Л. *p'owa* (=ple-), *plownia*, но Польск. *p'owa*, Русск. стар. *половелъ* (Гал. Ев. ib.), совр. *полова*, однако *пелевня* (Новг., Твер., Тамб.)=Луж. *plownia*, *spreukamter*, гдѣ *e* можетъ быть случайнымъ совпаденіемъ съ Латыш. *pelawas* (мн.) *полова*.

Хорут. *dlēto*, Сербск. *длијето*, по Ст.-Славянск. *длато*, Чеш. *dlato*, Польск. *dłoto*, Н. Л. *bwodko* (т. е. *dłotko*), Русск. долото. Такимъ образомъ *ль* только въ меньшинствѣ нарѣчій.

Плѣжъ, Ст. Слав. Хорут., Сербск., Чешск.—*ль*, Польск. *plon—plenić* (=лъ) и *płon*, Русск. полонъ. По вышесказанному достаточно бы одной послѣдней формы, чтобы помѣшать предположенію, что общеславянскій языкъ имѣлъ форму съ *e* (Лит. *relnas*).

Ст.-Слав. *слѣма* и *слама*. Въ Хорут., Сербск., Чешск., Польск.=*ль*; но въ Н. Луж. *słomić*—имя мѣстности, В. Л. *słomić* (ѣ? ѣ?), Ст.-Русск. *соломенѣ* (мн.) (Mikl. Lex.), совр. *шѣломъ*, накладной жолобъ на дому, повѣть, *шѣломъ*, утесъ, повѣть. Въ Лит. форма съ *a* (*szalma*) можетъ указывать на то, что форма съ *e* (*szelmenis*) мѣснаго происхожденія.

Жльбъ. Въ Хорут., Сербск. *žlěb*, *жлијѣб*, но въ Чешск. *žlab* и *žleb*, В. и Н. Л. *žlob*, Польск. *żlob*, Русск. *жолобъ*. Это слово въ Русскомъ, какъ и *шо-*

ломъ должно бы писаться *жселобъ*, *шеломъ*, какъ и *шеломя*, но первое *е* есть здѣсь не основное дославянское *е*, которое могло бы указывать здѣсь на происхожденіе *оло* изъ *еле*, а стоитъ лишь вслѣдствіе того, что въ Древ.-Русск. какъ и въ Ст.-Слав. *о* не можетъ стоять послѣ шипящихъ и другихъ мягкихъ: ср. Русск. *голы-бать*—*жселябать* и т. п. Хотя *жолобъ* можетъ не имѣть отношенія къ Скр. *гарбha-с*, утроба (какъ воспринимаящая), откуда русло рѣки, выступившей изъ береговъ, по Б. Р., какъ бы беременное, *жеребое* русло, плодъ (какъ зачатый, воспринятый=жеребя); по основная форма должна быть весьма сходна съ *гарбha-с*; ср. слова съ *ла-ра*: γλάφω, долблю (Curt. № 134) и γράφω=гребу (ib. 138).

Ст.-Слав. *члѣнъ* (и *члѣнъ*), *чланъ* (и *чланъ*), *articulus*, Хорут. *člèn*, *člènek*, *člink* и *član*, Серб. *члѣн*, ручка, рукоятъ (черенокъ?) и *члѣн*, *чланак*, *члан*, *чклан*, Чешск. *člen* и *člānek*, Польск. *członek*. Н. Л. *сѣнок*, Миклошичъ сравниваетъ Скр. *крj*—*verteere* (?), указывая на аналогію съ *vertebra* и Греч. *χῶλον*. Можно бы думать о родствѣ съ *коло* и *кольно*.

Иногда форма, соответствующая Русской *оро*, *оло*, сохранилась только въ одномъ изъ Слав. нарѣчій.

Жлѣза, Хорут. *žleza*, Сербск. *жлѣезда*, Русск. *железа*, но Чешск. *žleza* и *žlaza*; Польск. и Лужицк. съ основн. *з*: Польск. *zoźza*, Н. Л. *zoźž*, *żowź*, В. Л. *zawza*.

Ст.-Слав. *жлѣсти*, *жлѣдж*, *compensare*, *roepnam luere*, *mulctari* и *жлѣсти*, *solvere*, *exsolvere*, *жлѣдѣба* и *жлѣдѣба*, *mulcta*.

жлѣдица, МР. *о̀желедь*, *о̀желѣдица*, Польск. *źłodź*, *źlód*, *deszcz złodowaciady*.

слѣз-ена, *-ина*, *селезенка*, Н. Луж. *słozyna*.

смръчъ, Сербск. *смръека*, Хорут. *smrěka*, Болг. прилаг. *смрековъ*, Мр. *смрекъ*, Польск. *swierk* (=мр), *smrek* и *smrok*, ВЛ. *smrok*, НЛ. *šmrjok* и *škrjok*.

Въ слѣдующемъ случаѣ одно Мр. нарѣчіе имѣетъ

форму съ еле: *Влатъ*, *gigas*, Русск. *Волотъ*, *Велетень*. Миклошичъ сближаетъ это слово съ Серб. *vlāt*, Хорут. *vlat* (лат., м.р.) колось, Литовск. *váltis*, ж. овсяный колось, куда относится и Вр. *вóлотъ*, верхняя оконечность снопа, противоположная огузку, Мр. «ой про-со волоття! (народ. пѣсня). *) Основаній этого сближенія кромѣ звуковыхъ показѣсть невидно.

Вообще: гдѣ въ области Литовско-Латышскаго языка *el*, *eg*, стоятъ въ тѣхъ же формахъ при болѣе древнемъ *al*, *ag*; гдѣ въ Литовск. только одни послѣднія сочетанія; гдѣ въ Слав. языкахъ является діалектическая смѣна *рѣ*, *лѣ* (=ере, еле) и *ра*, *ла* (=оро, оло), тамъ не вижу основанія выставлять предполагаемую общеславянск. и Славяно-Литовскую форму съ *el*, *eg*.

Скорѣе можно бы думать, что уже въ дославянское время было *e* передъ *p* въ тѣхъ случаяхъ съ *рѣ* = *ере*, при которыхъ въ тѣхъ же формахъ діалектически стоятъ формы съ *рр* (каковы напр. *жрѣло*, *жсерело* при *жърло*; Мр. *мерти*, *пѣрти*, *терти*, *стерти*, *дерти* (т. е. мѣрти и пр.) при *мрѣти* = мерети и пр.), и въ тѣхъ, въ коихъ въ славянскихъ нарѣчїяхъ имѣемъ только *ере* = *рѣ* (чуть ли не въ одномъ случаѣ «*селезень*» *)

*) У Даля *волотъ* смѣшано съ *володь*, волокно, прядь конопля = *владъ*, *сота*: «Несторъ... густою володью, густобрадъ... Мирионисъ — добробрадъ... кудрявъ, густою владью... Андромахи... кудрява, дльгою владью... Касандра русою владью... Полуисени черновласа, кудрява, велию владью» (О разор. Трои по сп. XV в., Балайд. Иоан. Экз. Бол. 132, 3). Если, какъ кажется, сближеніе Миклошича с. *vardh*, *crescere*, вѣрно, то къ тому же корню Русск. *волдырь* и Ст.-Слав. *врьдъ*, Русск. *вередъ*, Поль. *wrzód*, В. Л. *brjóđ*, въ которомъ слѣдуетъ предположить первоначальное значеніе пароста, парыва, и за тѣмъ уже значеніе раны, уязвленія, уязвленного мѣста и пр.

*) Мр. *селехъ* (изъ селегъ?) *селезень*, самецъ утки, можетъ первоначально значить вообще *самецъ* и въ этомъ смыслѣ можетъ быть объяснено сближеніемъ съ Скр. *sardž* (основн. *sarj*), *effundere*, *emittere*, *creare*. Основная форма была бы *sarj-a-s*, *sarj-an*, какъ *nomen agentis*.

Русск. еле), какъ въ *бръза*—*береза*, Литовск. *bérzas*, Латыш. *bérzs*; однако и здѣсь возможны сомнѣнія и навѣрное необходимы нѣкоторые ограниченія. Такъ, имѣя передъ собою Слав. формы *жерело*==*жрьло*, *жьрло* и *грьло*, и зная, что ихъ единство было возможно только при существованіи формы *гар-тра-м*, не удобнѣе ли предположить, что все распаденіе этой послѣдней произошло на славянской почвѣ (приблизительно такимъ образомъ: изъ *гар*, съ одной стороны *гзр*, съ другой *жар*, откуда *жър* и *жарѣ*-, *жере*-), чѣмъ прибѣгать къ Литовскому *geg* въ *gerklė*, которое, безразлично соотвѣтствуя всѣмъ четыремъ Славянскимъ формамъ, не объясняетъ въ частности ни одной.

Что до ограниченій, то они могутъ быть такого рода. Если обратить вниманіе на то, что слову *сытъ* по значенію противопоставляется *голоднѣ*, *голоднѣ*, которое собственно значить не пѣвшій или дощій, а жаждущій (осн. форма *гардѣ-и-на*, ср. Скр. *gr̥dhnū*, *avidus*), то будетъ вѣроятно, что *тръзвѣ*, Русск. *терезвѣ* *тверезвѣ*, противопоставляемое слову *пьянѣ*, значить тоже не пившій, а жаждущій напитокъ. Съ этимъ ср. Скр. *tr̥shū*, *avidus*, при *тарш*, *тришати*, чувствовать жажду, жаждать чего. Было кѣмъ-то высказано сомнѣніе относительно возможности соотвѣтствія Скр. *ш* и Слав. *з*, кажется по поводу *дърз* при Литовск. *drasus* и Скр. *dharpsh*, *audere* (сближеніе *Болпа*). Безъ сомнѣнія эти звуки не предполагаютъ другъ друга, но между ними можетъ быть третій общій. Такъ Слав. *з* можетъ быть въ нѣсколькихъ рѣдкихъ случаяхъ измѣненнымъ *с*. Точно такъ мы остаемся въ невѣдѣніи, какимъ образомъ является въ Латыш. *ksz*, *szk* тамъ, гдѣ мы ожидаемъ *s* и лишь предполагаемъ участіе въ этомъ суф. *-ск* (*inchoat.*); тѣмъ не менѣе прочно стоитъ сближеніе Скр. *тарш* и Литовск. *troksztu* v. *troszku*, *troksztī* жаждать, желать. Между тѣмъ какъ *тръзвѣ* основано на *тарс*, Литовскія формы предполагаютъ уже перестановку *ар*:- въ *ра*:- *trāsšk*. Такимъ образомъ, если Слав. *тръзвѣ* предполагаетъ ближайшимъ образомъ форму *терезвѣ*, то первое *е* въ этой формѣ

не только появилось уже на Слав. почвѣ, но даже не имѣетъ себѣ ничего соответствующаго въ Литовскомъ.

И такъ вообще безопаснѣе смотрѣть на Литов. *e*, напр. въ *gérti*, какъ на явленіе аналогичное съ первымъ *e* сочетанія *ere*, *e**le*, чѣмъ какъ на исторически предшествующее ему.

16. О первомъ *e* въ *ere—ele* въ количественномъ отношеніи можемъ сказать лишь нѣсколько словъ. Древнѣйшая основная форма этихъ сочетаній *ar—al* имѣла краткую гласную; но не приобрѣло ли это *a* въ отдѣльныхъ случаяхъ долготы до своего ослабленія (какъ въ Лит. *mâlù—mâlti*, мелѣж—мѣти), или уже измѣнившись въ *e*, этого пока мы незнаемъ.

Положеніе: «всякое Слав. *e* кратко», ничѣмъ не доказано. Относительно Литовскаго намъ извѣстно, что въ немъ *e* подъ удареніемъ, но не подъ каждымъ, не измѣняясь качественно въ *é*=Слав. *ь*, можетъ приобрѣсти долготу (Schl. Lit. Gr. 15). Прежде чѣмъ утверждать, что полногласіе *ere—ele* обязано своимъ происхожденіемъ именно сочетаніямъ *ér—él* съ краткимъ *e*, нужно доказать, что это *e* ни въ какомъ случаѣ не было удлинено на Литовскій манеръ. Намъ ненужно особенно напирать на эту краткость, такъ какъ, несмотря на вышеприведенную аналогію Латышскаго языка (въ этой главѣ § 1), есть возможность понять возникновеніе полногласія и изъ основной краткой, и изъ основной долгой гласной (въ этой главѣ § 3: *mā́d*=молодь изъ предполагаемаго *mā́ld*, *mal_adg*).

17. Въ Хорутанскомъ нарѣчій мы встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ съ *e**e* вм. *ré*: *bereg*, берегъ, болото при *brêg*, холмъ, берегъ; *smereka* при *smreka*, ель; *žerelo*, очко въ ульѣ, челюсть печи, при *žrelo*, пасть (ср. Сербск. *ждријело*, *ждрло*, узкій проходъ, тѣсни-

на); *dereze* (мн. ч.) *Schuheisen* и *dreze steigeisen*; *čerez* и *črez*, *черезъ*. При этомъ, сколько извѣстно, ни одного случая съ *оро—оло*. *) Если взять во вниманіе, что въ этомъ языкѣ попадаются случаи перестановки *г*, которые можно разсматривать, какъ спорадическое стремленіе раздѣлять гласною сочетаніе нѣмой и *р* (*bernk—brenk* (Польск. *brzęk*), звукъ струны; *dersklja—dristlja*, брызгалка, клистирная трубка, ср. *дрисать*; *per—при*); то скорѣе можно считать *bereg* и пр. за явленіе позднѣйшее, неимѣющее никакой связи съ Русск. *берегъ*, чѣмъ за остатокъ старины. Тоже можно думать о Болг. *чирен*, *чиресло*. Отсюда, кажется, нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ Русскому полногласію и къ происхожденію *рѣ—лѣ=ере—еле* вообще.

Миклошичъ говоритъ (Lex. s. v.), что по видимому и Ст. Слав., *пелена* изъ *плѣнѣ*—мнѣніе, котораго и я прежде держался; но быть можетъ слѣдуетъ здѣсь стать на сторону Гейтлера и считать формы: Ст. Слав. *пелена* при *плѣна*, Сербск. *пелена*, Болг. *пелене*, Хор. *peleńica*, *darmfell*, *darmhaut*, за равно древніи съ Русск. *пелена*, между тѣмъ какъ Хорут. *pelna*, *pelnica* при *plena*—за диалектическую перестановку.

18. Допуская гадательно возможность происхожденія *рѣ* изъ *ере*-, *лѣ* изъ *еле*, мы остаемся въ невѣдѣніи относительно причины и способа происхожденія этого *л* и стало-быть оставляемъ мѣсто для другой догадки: какъ *ра*, *ла* могутъ, по выше показанному, предполагать не русскую форму полногласія, а *ара*, *ала*, такъ и *рѣ—лѣ* не основаны ли на полногласной формѣ не такой, какъ Русская?

Мы видѣли, что, по Гейтлеру, *л* есть здѣсь вознагражденіе за два *е*, которыя по предположенію возник-

*) Странная форма *mološnja*, *милостыня*, сюда не относится.

ли изъ стяженія *ере*, *еле*; но во-первыхъ, аналогія съ *сѣмрътъ* изъ **сѣмрътъ*, если ее принять, показываетъ, что стяженіе можетъ быть простымъ опущеніемъ перваго звука, безъ всякаго вознагражденія. Во-вторыхъ, хотя мнѣніе Миклошича (Lex. s. v.), что *врѣтено* есть лишь ошибочная форма вмѣсто *вретено*, можетъ быть и невѣрно, такъ что къ древнему языку и нельзя отнести процесса въ родѣ Хорут. *ѣтег* изъ *ѣтег*, и нельзя сказать, что *врѣтено* (съ *е*)—изъ веретено; но быть можетъ слѣдуетъ придать нѣкоторое значеніе тѣмъ случаямъ, въ которыхъ вмѣсто ожидаемаго *лѣ*, *рѣ* или *еле*, *ере* встрѣчаемъ на второмъ мѣстѣ *н* безъ потери перваго звука: *ерн*, *елн*. Если принять сдѣланное выше (§ 9 этой гл.) предположеніе, что *жеравль* и *муравей* предполагаютъ основныя формы *гарв-* и *марв-*, то между *ера*, *ора* (жеравль, *моравій) и *ерн*, *елн*, буде въ этихъ послѣднихъ *н* не относится къ суффиксу, окажется сходство:

Желнь, *желньдѣба* = *жлньдѣба*, *mulcta*. Миклошичъ считаетъ *жлньсти* — *жлсти* заимствованнымъ изъ Готск. *gildan* (*Fremdwört*); но форма *жлад* весьма далека отъ *gild*.

Чернь, жаровня = *чрнь*. Форма съ *ерн* предполагается Русскимъ, Сербск., Чешск., Польскимъ: Мр. *чрнь*, мѣсто въ печи, куда ударяетъ пламя и надъ печью: «сісти на черні, де гаряченько», «злізти на черінь»: Вр. *черенз* и, что быть можетъ заимствовано, *чренз*, родъ большой сковороды для выпарки соли; Сербск. *чрѣн*. 1, више ватре, гдѣ удара сила од ње («као оцак?»—нѣтъ, не очагъ); 2, као плитак кош, у којему се суши жито више ватре. Какая связь съ Хорут. *ѣгеп-а-fels*, *steinklippe*? Ср. поль. *о-рок-а*, скала, Русск. собственно опочка, при пеку. Чеш. *ѣгеп*, родъ сѣти, ящикъ, гдѣ давятъ виноградъ, поверхность горы, мѣсто надъ печью, гдѣ спятъ; Польск. *cierzeniec*, *sak* на губу; но *сзегун*, сподъ печи, на которомъ огонь, заимствовано изъ Мр. *черінь*, по западному—*черинь*.

Хорут. merèsec, merjasec, Хорват. porist кабанъ, предполагаютъ *неръс*. Если эти слова имѣютъ въ основаніи значеніе *литья*, изліянія сѣмени, какъ Слав. *веръ* (кор. *van*, spargere, seminare) и какъ Скр. *врша* — быкъ (*варш*, irrigare) и въкоторыя другія, то, по связи жидкости и нечистоты, оскверненія, несомнѣнной въ нѣсколькихъ слогахъ, сюда же можно бы отнести и Чешск. *neřes*, нечистота и пр., В. Л. *nieréch, únflath, nerešny hässlich*, отдѣляя эти слова отъ Н. Л. *nieréd*, В. Л. *njerjad* (отъ *ne* и *рад*-), что тоже значитъ *unflath*. Видоизмѣненія корня въ этомъ семействѣ весьма разнообразны: а) формы: Русск. (Перм.) *нѣрсъ*, время итанія икры, Н. Луж. *perch, perk, jerk*, рыба икра, губа *perknio, laicht*, указываютъ на осн. слав. *нърса*; аналогично съ этимъ Лит. *perszti, perszėti*, метать икру, *perz-tas*, нѣрсъ; б) В. Русск. (Псков.) *нѣростъ*, течка животныхъ, *нарѣстоваться* (Твер.), о рыбахъ, метать икру, замѣчательно совпаденіе съ Хорут. *narást*, совокупленіе птицъ, *narástiti, naraščiti*, совокупляться, о птицахъ, корень тотъ же, а отнюдь не *на* и *ростъ*; в) Русск. (Арх.) *нѣросъ*, рыба и лягушечья икра, *нѣроситься*, совокупляться, о лягушкахъ, Волог. *нѣрос-тъ*, тоже что *нѣрсъ*, Поль. *mroszczyć się* («szkoda w ten czas ryb» (т. е. ѣсть), «gdy się mnożąc mroszcza», Linde s. v.), въ Церк. Слав. было бы *нрас- в. мрас-*, въ Лит. ср. *nárszas* = Рус. *нѣросъ*, Латыш. *na'rstē* = нѣрость, *na'stit*, метать икру; г) Рус. *нѣрестъ* (въ Палеѣ 1494 г. Вост. Слов. s. v.), Серб. *mr̃est* = мрѣестъ, рыба икра; наконецъ д) упомянутое выше Хорут. *meres-es* = осн. *нѣрс*. Если корень здѣсь *марс* = *смарс*, то въ *нѣрсъ* и пр. находимъ замѣчательный случай сродства начальнаго *м* и *н*.

Темно для меня Ст.-Слав. *терасъкъ* (по сп. XV в. съ Рукоп. 1047), *терьсъкъ* (Сб. 1073), карьмыньи ремень (надигачъ?). Востоковъ и Миклошичъ совершенно произвольно пишутъ *тръсъкъ* и сближаютъ съ Польск. *trzos*, Мр. *чересъ*, которое конечно сродно съ *чръзъ* — *черезъ*.

Ст.-Слав. *свернѣзъ*, *ferus*, *severus*, *agrestis*, Русск. свирѣбый, свирибый (Тв.), свирущій, Чешск. *svěřep*, *bromos*, *-se*, *-ice* жеребецъ, кобыла, Польск. *swierzera*, *swierzora*, кобыла, матка; Хорут. *srêp* (вм. *svrêp*) огромный и *srp* (*serp*): *srpo gledati*. На основаніи послѣдней формы, а равно и «оженитесь женами *свернами*» (Пал. 1494), Миклошичъ выставляетъ Ст.-слав. форму *сврѣнѣзъ*. Онъ же сравниваетъ съ Литовск. *szurpsti—szurpti*, *hoggere* (Lex. s. v.), къ чему Гейтлеръ (Fon. § 69) прибавляетъ, что *šurpti* должно быть изъ *szwerpti*, какъ *durys* изъ *dwerys*.

Эти четыре или пять случаевъ имѣютъ то общее, что при *лѣ*, *рѣ* въ нихъ находимъ *елѣ*, *ерѣ* со второю гласною принадлежащею корню, при чемъ въ трѣхъ *ерѣ* свойственно не однимъ задунайскимъ нарѣчіямъ. Брадли сюда можно прибавить частицу *лелѣ* въ *лелѣ живѣзъ* при *лѣ* въ *лелѣживѣзъ*, *лелѣнѣзъ*. Быть можетъ *лелѣ*, а не *леле* слѣдуетъ писать и въ Русскомъ. *лѣ* свойственно кромѣ Ст.-Слав. и Чешскаго (*leda*), Польскому (*lada*) и Мр. въ *ледащо*, *лелѣнло*.

Болѣе похоже на случайную неправильность встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ не особенно древнихъ памятникахъ *четверѣднѣвѣнѣзъ*, *четверѣнѣнѣзъ* при *четверѣ* и при рѣшительно неправильномъ *четверѣ* (Mikl. Lex.). О формѣ *четверѣ* слѣдуетъ повторить сказанное выше о формѣ *кладне*, именно, что эти формы обязаны своимъ происхожденіемъ неправильному подчиненію аналогіи съ *ере=рѣ*, *оро=ла* въ корнѣ, и что правило состоитъ въ неизмѣнности такого общеславянскаго *еле*, въ которомъ второе *е* есть тематическая гласная или принадлежитъ болѣе полномѣсному суффиксу: *зел-енѣзъ*, *селе-рѣчѣвѣзъ*, и никогда *злѣнѣзъ*, *слѣрѣчѣвѣзъ*.

Слѣдующія формы отличаются отъ выше приведенныхъ тѣмъ, что, сколько извѣстно, ни въ одномъ нарѣчій неимѣютъ при себѣ формъ съ *лѣ*:

нелѣсѣзъ, пестрый или скорѣе полосатый. Таково написаніе въ обоихъ случаяхъ, извѣстныхъ Востокову изъ нам. XV в., такъ что форма *нелесѣзъ* выставлена

Миклошичемъ гадательно. Весьма замѣчательно Бр. *неласый* = *нелѣсый*, полосатый, въ которомъ я ударяемое не можетъ быть объяснено ни изъ *е* ни изъ *ъ* (Ср. Хорут. *marjasec*). Миклошичь сравниваетъ *нелъсъ* съ *полоса*, *перенелесый* и Литовск. *pálzasz*, половой. Ср. также Латыш. *palwas* = *плавъ*, половой.

Желъзо, общеслав. форма, такъ какъ *а* въ Мр. *залізо* легко можетъ быть позднѣйшимъ и въ самомъ Мр. имѣетъ при себѣ *же-*. Если сравнивать съ Латыш. *dzelze* и Жм. *gelžis* (Mikl. Geitl.), то слѣдуетъ дѣлать не *жел-нзо* Curt.), а *желъ-зо* или *жельз-о*, при чемъ однако странно второе *е* въ Литовск. *geležis*.

Во всѣхъ этихъ формахъ за исходныя мы принимаемъ *ель*, *еръ*, откуда въ нѣкоторыхъ—*лъ*, *ръ*. Это было бы неудобно для теоріи Гейтлера, а потому онъ принимаетъ, что *ель*—*еръ* здѣсь образовалось уже изъ *ръ*—*лъ* посредствомъ новой вставки *е* передъ плавною (будто бы по аналогіи съ *тесемъ*!); на примѣръ изъ предполагаемаго *свертъ* съ одной стороны *свртъгъ*, откуда *свертъгъ*, а съ другой предполагаемое *свртъ*, *свртъгъ* и *свртъ* (Fonol. § 69). Неговоря уже о предположеніи, что *ъ* изъ *е*, мнѣ кажется, я имѣю основаніе не смѣшивать въ объясненіи такихъ формъ, какъ выше упомянутое исключительно Хорутанское *relna* и *berog*, съ такими болѣе общими, какъ *чертъ*.

19. Выше было упомянуто, что Гейтлеръ недѣлаетъ различія между тѣми *ръ*, *лъ*, при которыхъ состоитъ Русское полногласіе, и такими, въ которыхъ всѣ слав. нарѣчія имѣютъ только одну гласную послѣ плавной. Это заслуживаетъ рѣшительнаго осужденія и составляетъ шагъ назадъ сравнительно съ разграниченіемъ обоихъ случаевъ, какое сдѣлано въ общемъ вѣрно П. Лавровскимъ (О Полногл. 49—51). Гейтлеръ (§ 66) говоритъ только о случаяхъ съ *ръ*—*лъ*, (общеслав.). и одномъ съ *я* (*прямъ*); но мы можемъ сказать, что, для кого нѣтъ различія относительно *ръ* въ *бръзгъ* и *бръзъ*—*бе-*

регъ, тому должны казаться тождественными и случаи *плакаться* (*flegere*) и *плакати*, *полокати*, *полоскати*; *градъ* (*grando*) и *градъ—городъ*. Между тѣмъ разница между ними прежде всего во времени происхожденія.

Случаи, въ коихъ во всѣхъ Слав. нарѣчіяхъ *согл+р*, *л+ласная* могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи.

Въ одной или вообще ни одинъ изъ сродныхъ языковъ неуполномочиваетъ принимать другое болѣе древнее расположеніе звуковъ, или же естъ указанія на то, что сочетаніе *согл+р*, *л+ласная* хотя и небыло первоначальнымъ, но существовало за долго до славяно-Литовскаго періода. Такъ, хотя Слав. *братръ* и возводится обыкновенно къ корню *бһар*, но въ самомъ этомъ имени форма корня *бһрâ* дана или предполагается въ языкахъ Санскр. и Зендск., Греч., Латинск., Кельтск., Герм., Славяно-Литовскомъ, слѣдовательно, по общепринятому способу заключенія, относится къ глубочайшей древности. Если и допустить, что это *бһрâ*—изъ *бһара*, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ принять, что весь строй того языка, въ коемъ возникло это *бһрâ*, существенно отличенъ отъ того, при которомъ въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ возникло *брада*. Такъ расположеніе звуковъ въ *градъ*, *grando*, одинаково въ Слав. и Латинск. (гдѣ *grand* изъ *grad+n* глагольнаго характера) и вѣроятно въ Скр. и Зендск.; въ полногласномъ Греческ. *χάλαξα*, по Курціусу, тоже вставное *а* есть не второе, а первое, такъ что здѣсь основная форма *χλαδ*.

Въ другомъ отдѣлѣ словъ этого рода сочетаніе *согл+р*, *л+ласн.*, хотя и болѣе поздняго происхожденія, но однако такъ древне, что возникновеніе Русскаго полногласія застаётъ его уже готовымъ. Сюда относятся Слав. *брызгъ*, *разсвѣтъ*, и *бльскъ—бльстѣти*. Слова эти ближайшимъ образомъ сродны съ Лит. *brėksztata* (3. л. един. ч. безлич.), *брезжетъ свѣтъ*, *разсвѣтаетъ*, *prabrészko*, *пробрезжило*, *blaiksz-t-au-s*, *blaiksz-t-y-tis*, *выясняться*, *о небѣ*, *blizg-u*, *blizgėti*, *блестѣть*,

откуда видно, что ближайшая основная форма есть *бризг-блиск*, въ коей *зг*, *ск*, какъ и часто, предполагаетъ *г*, *к*, такъ что *блѣскъ* отнюдь не изъ *белескъ*, какъ думаетъ Гейтлеръ. *Бризи* относительно своего *и* можетъ предполагать *бѣрѣи* (Скр. *бѣрѣдж* свѣтить, блестя, Греческ. φλέγω) подобно частой въ Скр. смѣнѣ *â* и *û*: при корнѣ *пѣ*—*пѣ-бами*, *пѣ-тѣи*; при *стѣи*—*ти-штѣи*, *стѣи-ти*, *status*. Само это *бѣрѣи* (Латинск. *flag* во *flamma* и пр.) въ свою очередь могло возникнуть изъ *бѣрѣи*: Скр. *бѣрѣи* блестя, Латинск. *fulgeo*.

Бризг не даетъ однако права думать, что вездѣ въ подобныхъ случаяхъ мы должны предполагать *и*; въ иныхъ словахъ для насъ ясно только то, что *рѣ* не произошло изъ *ере*, но предполагаетъ уже въ дославянское время *согг+р+гласн*. *Трѣскъ* во всякомъ случаѣ ближе къ Литовск. *traszkėti*, *treszkėti*, чѣмъ къ Литов. *tarszkėti* трещать. Съ Латин. *dorm* въ *dormio* и Греч. *дар-* въ *дар-дѣ-во*, сплю, можетъ быть, сравниваемо только *дрѣм* или *дрѣм* въ Сербск. *дрѣмати*, «као намргођен кунѣти», кунѣти, дремать насупившись; между тѣмъ общеславянское *дрѣмати* предполагаетъ въ дославянское время такое расположеніе, какъ въ *ѣ-драдоу*. Миклошичъ (Lex.) *дрѣмати* сближаетъ съ *трѣмѣи*, *tremere* и указываетъ на Хорутанск. *dramiti*, *expegefacere*. Такимъ образомъ *dramiti* относилось бы къ *дрѣмати*, какъ *разити* къ *рѣзати*; однако *dramiti*, какъ причинное при *дрѣмати* могло бы значить лишь-заставлять спать, а не будить, а какъ болѣе длительное значило бы опять таки дремать. Поэтому лучше сближить Хорут. *dramiti* (предположивши въ немъ собственное значеніе встряхивать или заставлять встряхнуться) съ Сербск. *дрѣмати*, трясти, считая возможною развѣ очень отдаленную, посредственную связь съ *дрѣмати*.

Въ Скр. для значенія *assare*, *frigere*, *coquere* находимъ двоякую форму корня: *бѣрѣдж* (*бѣрѣж*) и *бѣрѣдѣдж* (*бѣрѣдѣж*). Форма *ар* предполагается Серб-

скимъ *пржити* жарить, Ст.-Слав. *пѣга* и пр. (см. Mikl. Lex. *пѣга*, *пѣжина*; въ *пѣга* слѣдуетъ предположить основное значеніе *поджаренной* крупы или муки, какъ дѣлають для каши и лемѣшки, Польск. *prażucha*, а за тѣмъ уже—цвѣточной пыли, собираемой пчелами) и Литовскимъ *spīrgas*, вышкварокъ, *spīrginti*, поджаривать сало, жиръ. Между тѣмъ слова *пражити* и Лит. *spraginti* и *sproginti* предполагають дославянскую форму съ *pa*.

Допуская вмѣстѣ съ Гейтлеромъ родство между *чрьсъ*—*черезъ* и *скрозъ*—*сквозъ*, *кроз* (Сербск.), *skrz* (Чешск.), я думаю, что разстояніе между этими формами такъ велико, что всѣ онѣ немогутъ быть выведены ни изъ Литовскаго *skersai*, поперекъ, ни изъ *χάρσιος*, *obliquus*. *Чрьсъ* и *черезъ* дѣйствительно предполагають *карс*—*скарс*; но въ то время, какъ изъ этихъ послѣднихъ формъ возникла съ одной стороны *скзрз*, съ другой полногласная форма, которая, по моему мнѣнію, отнюдь небыла равна М.-русской *кerez*, а скорѣе начиналась съ *ча*, въ то время уже существовала другая форма *скрас*, давшая начало формамъ: *скрозъ*, *кроз*- и *скваз*- (скважня, скважина), *сквоз* (*сквозъ*, *скозъ*, *сквозь*), гдѣ *в*, по моему мнѣнію, изъ *р* черезъ *л*, *) а по Гейтлеру—вставное (скврозѣ), вытѣспившее потомъ коренное *р*, чего однако нѣтъ въ *скверти* и пр. Въ то время, когда положено было основаніе формамъ *сквоз*—*скроз*, о вѣроятно еще не существовало, такъ что я не могу согласиться съ Гейтлеромъ (Гон. § 66), что *скрозъ* изъ *скорозъ*.

*) Ср. наоборотъ *р* изъ *в* въ В.Л. *jaŭorc*=*jaŭowc*, можжевельникъ.